Benj. Franklin

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Я. В. Абрамов
  -
  - Несколько вступительных слов
  - Глава I. Детство Франклина
  - Глава II. Начало самостоятельной жизни Франклина
  - Глава III. Начало общественной деятельности Франклина
  - Глава IV. Франклин – крупный общественный деятель английских колоний в Америке
  - Глава V. Франклин – ученый
  - Глава VI. Франклин на мировой сцене (До объявления независимости Соединенных Штатов)
  - Глава VII. Франклин на мировой сцене (После объявления независимости)
  - Глава VIII. Последние годы Франклина
  - Источники
- notes
  - 1

Я. В. Абрамов
Бенджамин Франклин
Его жизнь, общественная и научная деятельность
Биографический очерк
С *портретом Франклина, гравированным в Лейпциге Геданом*

Benj. Franklin

Несколько вступительных слов

Описание жизни Бенджамина Франклина представляет собою одну из самых поучительных биографий, несравненно более поучительную, нежели большинство биографий, вошедших в “Жизнеописания” Плутарха. Будучи обязан, как и многие другие выдающиеся американцы, своим высоким умственным развитием и общественным положением исключительно самому себе, своей честной, правдивой натуре, своему обширному уму и непоколебимой энергии, Франклин имел счастье оказать своей родине услуги, подобные которым удается оказывать своему отечеству лишь немногим. Родившийся и выросший в период формирования новой нации из разнородных элементов, населивших Северную Америку, Франклин принял самое близкое участие в процессах этого формирования и своим нравственным и умственным влиянием придал этим процессам форму, наиболее благоприятную для создания великого народа, каким являются ныне североамериканцы. Важнейшей заслугой Франклина должно быть признано то обстоятельство, что он более чем кто-либо другой содействовал развитию среди своих соотечественников общественной самодеятельности. Ниже мы увидим, как много Франклин поработал в этом направлении. Благодаря этому он, с одной стороны, сильно поднял в своих соотечественниках чувство национального достоинства, давшее им смелость восстать против притеснений метрополии и силы выдержать неравную борьбу с последней, а с другой – положил прочные основы той автономности, которая резко проявляется в Соединенных Штатах в отношениях отдельных штатов к целому союзу, графств, входящих в состав штата, к этому последнему, общин – к графству и, наконец, отдельных личностей – к союзу, штатам, графствам и общинам. Если что может быть признано важнейшей причиной того высокого культурного и материального благосостояния, какого достигли Соединенные Штаты, то, без сомнения, такой причиной является не что иное, как именно этот дух самодеятельности, эта проникающая все отношения автономность, – и Франклин, всего более содействовавший развитию *такого* духа, уже одним этим заслужил тот культ, предметом которого является его имя в Соединенных Штатах. Но он работал не только для своей родины. Многое из того, что он создал в своем отечестве, сделалось достоянием всего цивилизованного мира, а сверх всего этого он оказал бесценные услуги в области, безраздельно принадлежащей всему человечеству – в области науки, своими бессмертными

исследованиями относительно электричества. *Такая* жизнь, начавшаяся на нижней ступени общественной лестницы и окончившаяся на вершине общественных почестей – в стране, где эти почести достаются только людям истинно высоких качеств и за истинные заслуги перед обществом – не может не быть глубоко назидательной для людей всех возрастов, начиная с детей и кончая стариками, – и всех общественных положений, начиная с людей, находящихся на той общественной ступени, с которой начал свою карьеру Франклин, и кончая сильными мира сего. Каждому описание его жизни даст что-либо ценное, каждого оно научит чему-нибудь, а всем вообще покажет, как много может сделать человек, когда в нем к хорошим стремлениям присоединяются правильно настроенный ум и сильная, хотя и спокойная, энергия.

Глава I. Детство Франклина

Происхождение Франклина. – Его семья. – Детские годы. – Школа. – Работа в типографии брата. – Первые литературные опыты. – Разрыв с братом и бегство

Франклин – истинный сын народа. Предки его в течение многих веков владели в Англии, в графстве Нортгемптоншир, небольшим участком земли, обработкой которого они жили. Доход от земли не покрывал, однако, всех семейных нужд, и Франклины издавна начали заниматься различными ремеслами. Сначала они были только угольщиками, но затем разросшаяся семья стала выставлять из своей среды представителей и более высоких ремесел. Так, из трех дядей Франклина только старший занимался ремеслом угольщика, двое же остальных были ткачами, один шерстяных, а другой – шелковых материй. Отец Франклина был, как говорится, мастер на все руки, но главное занятие его заключалось в производстве сальных свечей и мыла. Несмотря на принадлежность к ремесленному классу, семья Франклинов по своему умственному развитию значительно возвышалась над средним уровнем. Этому способствовали, с одной стороны, происхождение Франклинов от *йоменов,* то есть людей, всегда остававшихся свободными, что служило основою фамильной гордости и заставляло всю семью стремиться вверх, а с другой – принадлежность семьи к религиозной общине, гонимой в Англии. Во время королевы Марии Франклины стойко стояли за протестантизм; позднее они присоединились к нонконформистам. Благодаря этому им пришлось вынести за свои религиозные убеждения немало притеснений, что развило в них склонность к исследованию и настойчивость в отстаивании своих убеждений, сделав дух оппозиции наследственным в фамилии. Старший дядя Франклина являлся уже общественным человеком в истинном смысле этого слова: он был инициатором многих полезных общественных начинаний в его родном графстве, и без его участия не обходилось ни одно местное общественное дело. Двое других дядей Франклина были очень образованными для своего времени людьми, а один из них обнаружил большой интерес к политическим вопросам, по которым он тщательно собирал все выдающееся, что появлялось во второй половине XVII и начале XVIII столетия. Отец Франклина был наименее образованным из братьев, но зато он высоко ценил образование и умел внушить уважение к нему и своим детям.

В 1685 году отец Франклина переселился в Новую Англию,

как тогда называли северо-восточную часть нынешних Соединенных Штатов. Жить в Англии, с увеличением населения, становилось все труднее. Старший дядя Франклина остался на наследственном участке земли, братья же его должны были искать себе счастья на новых местах. Двое других дядей, ткачи, ушли в Лондон, а отец Франклина предпочел с женою и тремя детьми перебраться в Америку, куда тогда стремились из Европы все, кому было тесно в Старом Свете, кто искал простора, свободы и возможности жить без лишений, трудами своих рук. Одним из главнейших побуждений к переселению как для отца Франклина, так и для многих других переселившихся одновременно с ним, были стеснения, которым подвергались в Англии нонконформисты, и надежда найти в Америке полную религиозную свободу, что они действительно и нашли. В Америке Франклин-отец скоро потерял жену, оставившую ему семерых детей, и женился во второй раз; от второго брака он имел десять человек детей. Последним, то есть семнадцатым ребенком и был знаменитый Бенджамин Франклин.

Мать Франклина принадлежала к столь же замечательной семье, как и его отец. Дед Франклина по матери, Петр Фолжер, давно уже переселился в Америку и здесь играл видную роль в истории первого периода существования английских колоний в Америке. Отзывчивый к общественным нуждам, он между прочим написал ряд брошюр, посвященных местным общественным вопросам. Брошюры эти, за отсутствием в колониях типографий, ходили среди населения в рукописях, и только одна была напечатана. Она была посвящена вопросу о свободе совести и направлена против преследований, которым в то время подвергались в Америке анабаптисты, квакеры и другие отщепенцы англиканской церкви. Дочь Фолжера наследовала от отца принципы терпимости, и это в значительной степени отразилось и на ее знаменитом сыне.

Все братья Франклина были обучены тому или другому ремеслу, которым они и жили. Наибольшую роль в жизни Бенджамина сыграл один из братьев, который, возвратившись в Англию, изучил ремесло наборщика и затем, перебравшись снова в Америку, открыл здесь одну из первых типографий. В этой типографии Франклин и начал свою самостоятельную жизнь в качестве типографского ученика.

Многочисленная семья Франклина представляла собой настоящий идеал семейного союза. Глава семьи обладал многими высокими достоинствами, вызвавшими теплые, прочувствованные строки в “Записках” его сына. Отец Франклина немного умел рисовать, был отчасти музыкантом и прекрасно пел: таланты эти

служили приятным украшением скромной семейной жизни и доставляли немало удовольствия его многочисленным детям. Он обладал некоторыми познаниями в механике и технологии, что позволяло ему улучшать свое ремесло, а также давать многие полезные советы сыновьям в их специальных занятиях. Но главным достоинством его были доброе сердце и природный здравый ум. Заботы о многочисленном семействе лишали его возможности заниматься общественными делами; тем не менее, его честность и рассудительность были настолько известны, что к нему часто обращались за советами лица, стоявшие во главе общественных и религиозных дел Новой Англии, а частные люди не только пользовались его советами и указаниями при разных затруднениях, но также нередко избирали его в третейские судьи для решения взаимных споров и тяжб. Почти единственное свободное от работы время, которое имел этот человек, было время приема пищи, и он любил употреблять его, помимо прямого назначения, на разумные разговоры о серьезных предметах с детьми или с кем-либо из соседей, охотно навещавших его в это время. Эти разговоры были настоящею школой для детей, и они увлекались ими настолько, что не замечали скромности обеда. Франклин говорит в своих “Записках”, что именно благодаря этим разумным беседам за обеденным столом он приобрел привычку не обращать внимания на то, что подается к столу, и потом всю жизнь не мог отучиться от этой привычки.

Отношения отца и матери Франклина к детям были самые теплые. Никогда дети не слышали ни одного резкого слова; если родители чего требовали от детей или запрещали им что-нибудь, они всегда объясняли им резонность такого требования, поэтому всякое желание родителей свято исполнялось детьми. Семейному счастью много содействовала ровность расположения духа, господствовавшая у всех членов семьи, что в значительной мере обусловливалось здоровьем, царившим в семействе. Отец Франклина умер в 89 лет, а мать в 85, и оба ни разу в жизни не болели. Таким же здоровьем отличались и дети их. Сам Франклин дожил до 84-летнего возраста.

Такова была среда, в которой родился и провел годы раннего детства Франклин. Как видим, она была очень благоприятна для развития тех талантов, которыми одарила этого человека природа; но над нею тяготела бедность – нужда, поглощавшая все силы и все время. Нужда дала себя знать Франклину на первых же порах его жизни, лишив его систематического образования, даже начального, и превратив в чернорабочего. Долго Франклину пришлось бороться с этой нуждой, пока он наконец не победил ее

и не получил возможность приложить свои таланты к общественному делу.

Франклин родился в 1706 году в Бостоне. Отец первоначально предназначал его к духовному званию. Поводом послужило то обстоятельство, что Франклин научился читать чрезвычайно рано. В этом отец Франклина и его друзья увидели доказательство склонности мальчика к научным занятиям, а так как в то время в колониях Новой Англии почти единственными представителями учености являлось духовенство разных церквей, то Франклина и предназначили в духовные. В этих видах отец Франклина послал его в грамматическую школу, когда ему исполнилось восемь лет. В школе Бенджамин обнаружил такие обширные дарования и достиг таких громадных успехов, что через полгода по поступлении туда его перевели из низшего класса в следующий, а в конце учебного года – уже в третий. К сожалению, одним этим годом и ограничилось обучение Франклина в грамматической школе. Отец его вскоре почувствовал полную невозможность для себя покрывать значительные расходы по обучению сына в столь привилегированном учебном заведении, каким была тогда в бедной школами колонии грамматическая школа. Очевидно, подготовка сына к духовной карьере было не по карману для бедного ремесленника, и он решил обучать его какой-нибудь практической деятельности. Франклин был взят из грамматической школы и помещен в более дешевую, но зато не открывавшую никаких блестящих перспектив, школу письма и арифметики. Здесь Франклин пробыл также год; за это время он достиг значительного совершенства в каллиграфии, но в арифметике не сделал никаких успехов. По окончании года отец Франклина взял его из школы, чтобы научить своему ремеслу – выделке сальных свечей и мыла.

Таким образом, все школьное обучение Франклина ограничилось двухлетним пребыванием в двух училищах; знания, вынесенные им из этого обучения, состояли исключительно в уменье читать и писать. А затем, уже с десяти лет, Франклин вступил в действительную жизнь, то есть должен был зарабатывать трудом свое пропитание.

Занятия Франклина в заведении отца состояли в том, что он резал светильни для свеч, наполнял формы салом, отворял и затворял двери за посетителями, относил свечи и мыло заказчикам и тому подобное. Отец не особенно налегал на сына, который, в качестве младшего да еще носившего трогательное имя Бенджамина, пользовался особою любовью родителей, – и Франклин имел всегда достаточно свободного времени для того,

чтобы отдаваться господствовавшей у него в детстве страсти к морю. Дом, в котором жила семья Франклинов, стоял на берегу моря, и Франклин еще ребенком научился плавать как рыба и пристрастился к рыбной ловле. Подросши, он все свободное время проводил на море, купаясь, плавая на лодке или ловя рыбу. Замечательно, что уже в это время в нем резко обнаружились дух инициативы и уменье руководить другими. Он всегда являлся вожаком своих сверстников и инициатором предприятий, совершаемых толпою товарищей, причем предприятия эти носили характер общественно полезных, конечно, для детей. Так, находя, что рыба плохо ловится у берегов, тогда как немного отступя от берега она ловится превосходно, Франклин решил устроить дамбу, которая вдавалась бы далеко в море. И вот однажды, собрав вечером толпу своих товарищей, Франклин перенес с берега в море массу камней, приготовленных для постройки нового дома. Рабочие, пришедшие на другой день на работу, были очень удивлены, не обнаружив камней на месте, зато нашли прекрасную дамбу.

Два года проработал Франклин в заведении отца, – и отец наконец убедился, что производство сальных свечей и мыла никогда не сделается приятным занятием для его младшего сына, и потому решился поискать для него другое ремесло, которое было бы более ему по душе. Он последовательно провел сына по целому ряду мастерских, где работали представители самых разнообразных ремесел. В каждой мастерской Франклин чему-нибудь обучался, и это впоследствии очень пригодилось ему при его усовершенствованиях типографского дела и в особенности при научных занятиях электричеством, когда Франклин легко изготавливал сам все необходимые для него приборы, тем более, что их было невозможно достать в тогдашней Америке. Но ремесла, которым бы Франклин увлекся, не находилось, и отец забирал его последовательно из мастерских. Такое отношение отца Франклина к вопросу о выборе занятия для сына показывает, что он стоял высоко над обычным уровнем ремесленников, да и не одних ремесленников. В самом деле, многие ли родители, даже из современной интеллигенции, могут выявить склонности детей для выбора их будущности, не говоря уже о производстве испытаний, подобных тем, которые делал отец Франклина для того, чтобы обнаружить склонности сына?

Ремесло, приходившееся более всего по душе Бенджамину, скоро было найдено. Обстоятельства, из которых отец Франклина это заключил, могли говорить, однако, о гораздо большем. Дело в том, что по выходе из школы Франклин обнаружил чрезвычайную страсть к чтению. Книги в Америке были тогда редкостью, и их

можно было только покупать. И вот Франклин буквально всякую копейку, которая попадала ему в руки, тратил на покупку книг. Сначала он зачитывался путешествиями. Затем наступила очередь религиозных сочинений, чему, быть может, содействовало то обстоятельство, что небольшая библиотека отца Франклина состояла исключительно из религиозно-полемических сочинений. Чтение последних произвело на Франклина самое своеобразное впечатление: религиозные споры сделались ему несимпатичными на всю жизнь, и здесь уже было положено начало деизма, которого Франклин придерживался до самой своей смерти. Следующими книгами, увлекавшими маленького читателя, были “Жизнеописания” Плутарха, “Опыт проектов” Дефо и “Средства делать добро” пуританского проповедника Матера. Особенно сильное впечатление на Франклина произвела названная книга автора “Робинзона Крузо”. Она содержала много оригинальных для своего времени идей, которые впоследствии большей частью воплотились. В книге говорилось о лучшей организации банков, об улучшении дорог, о необходимости ассоциаций для взаимной помощи в случае какого-либо бедствия, об учреждении приютов для лишенных рассудка и слабоумных, о необходимости давать образование женщинам и так далее. Надо заметить, что Франклину, когда он увлекался книгой с таким содержанием, было всего 12 лет. Это показывает, что и в детстве он представлял собою незаурядность.

Эта страсть к чтению убедила отца Франклина, что истинное призвание последнего – ремесло типографа. В это время один из братьев Франклина, изучивший в Лондоне ремесло наборщика, вернулся в Бостон и открыл здесь типографию. К нему и пришлось поступить Бенджамину в качестве типографского ученика. По контракту, заключенному на 9 лет, Франклин должен был оставаться до 21 года в качестве ученика, не получая никакой платы, за исключением последнего года, когда брат обязался уплачивать ему полную рабочую плату. Единственным вознаграждением Франклина за его труд служило получаемое им от брата содержание.

Несмотря на свои молодые годы (он поступил в типографию всего двенадцати лет), Франклин быстро усвоил всю технику типографского дела. Последнее в начале прошлого столетия стояло на очень низкой ступени вообще, а в Америке, как дело новое, оно было и совсем в неприглядном положении. Опытных мастеров не было. Печатные станки были крайне несовершенны, а в случае их порчи не было людей, умевших привести их в порядок; тысячи мелочей печатного дела, которые теперь легко усвоить в хорошей типографии, тогда не были известны, и

пионерам печатного дела в Америке приходилось изобретать их самим. Франклин не раз выручал типографию брата из затруднительного положения, то производя починки печатающих приборов, то делая то или иное улучшение в технике дела, то, наконец, отливая новые шрифты, чему он научился почти самостоятельно.

Работы в типографии продолжались подолгу и оставляли работающим слишком мало свободного времени. Франклин вместо того, чтобы, подобно своим товарищам по работе, тратить немногие свободные часы на отдых и удовольствия, употреблял их на чтение. Он свел знакомство с мальчиками из книжных магазинов, и те давали ему книги на прочтение с условием, чтобы он возвращал их чистыми и не мятыми. Книги давались Франклину на самый короткий срок; иногда он получал книгу вечером с тем, чтобы возвратить ее утром, и просиживал над ней целую ночь напролет. Вскоре по поступлении в типографию Франклину открылась более основательная возможность пользоваться книгами. Один из заказчиков брата, богатый купец, имевший порядочную по тогдашнему времени библиотеку, посещая типографию, обратил внимание на серьезное лицо юного Франклина и, разговорившись с ним, был поражен его начитанностью и суждениями по вопросам, которые, казалось, стояли выше понимания мальчика его лет. Купец пригласил Франклина к себе и разрешил ему пользоваться книгами из своей библиотеки. Это обстоятельство много содействовало умственному развитию Франклина, так как благодаря ему он получил возможность прочитать целый ряд классических произведений всех родов литературы.

К первым же годам пребывания Франклина в типографии относятся и его первые литературные опыты. В тринадцать лет он сочинил две баллады, посвященные событиям, случившимся около этого времени и поразившим его воображение – кораблекрушению и взятию в плен морского разбойника. Баллады эти были одобрены вышеупомянутым купцом, владельцем библиотеки, и по его рекомендации напечатаны братом Франклина. Брошюрки с балладами разносились по городу самим Франклином и продавались очень успешно. Это очень польстило Бенджамину, и он не на шутку вообразил бы себя поэтом, если бы не отец, который раскритиковал баллады и доказал ему, как мало в нем поэтического дарования.

Вскоре Франклин начал писать прозу. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство, у Франклина был друг Коллинс, молодой человек, такой же любитель чтения, как сам Франклин. Друзья часто читали одновременно одни и те же книги

и обсуждали прочитанное сообща. При этом они нередко расходились в мнениях и вступали в горячие споры. Однажды они заспорили по вопросу о научном образовании женщин. Коллинс доказывал, что женщины от природы неспособны к научным занятиям и образование для них совершенно излишне; Франклин же держался противоположных воззрений. В споре Коллинс, как более взрослый и красноречивый, взял верх над Франклином, который не мог с достаточною ясностью и силою отстоять свои мнения в устной беседе. Тогда Франклин решился изложить свой взгляд на предмет письменно; Коллинс отвечал также письменно; ему снова возражал Франклин – и таким образом они вступили в продолжительную полемику, в которой полемисты, забыв уже об исходном пункте своего спора, диспутировали о всевозможных вопросах. Надо помнить, что Франклину в это время было всего 14 лет – однако этот юный философ серьезно обсуждал самые запутанные вопросы и высказывал мнения, которые сделали бы честь взрослому человеку.

Полемическая переписка Франклина с Коллинсом случайно попала в руки отцу Франклина. Он обратил внимание сына на то, что обсуждение общественных вопросов не должно мешать ему знакомиться с орфографией и употреблением знаков препинания. Вместе с тем он пояснил сыну важность хорошего слога и указал ошибки Франклина в этом отношении. Советы отца заставили Франклина обратить внимание на выработку своего слога. Работам, предпринятым им в этом направлении, его сочинения во многом обязаны теми своеобразными внешними качествами, которые так пленяли его читателей впоследствии. Как много труда было потрачено Франклином в целях выработки своего слога, показывает следующий пример. В начале XVIII столетия в Англии и ее колониях большим успехом пользовался “Spectator”, журнал знаменитого Аддисона. Слог “Spectator'a” считался образцовым по своему изяществу. Франклин достал томик этого журнала и стал сочинять подражание ему. Именно, прочитавши какое-нибудь место из книги и обдумавши заключавшиеся в нем мысли, Франклин садился и писал собственное изложение тех же мыслей, а затем сравнивал написанное с подлинником. Проделывал он еще и такую вещь: держа перед собою книгу, он перелагал прозаические отрывки из нее в стихи, а через некоторое время снова перекладывал стихи в прозу и сравнивал ее с подлинником. Таким образом, он начинал понимать, чего недостает его слогу и к чему он должен стремиться. Через некоторое время он сжигал все написанное и снова восстанавливал. И это повторялось несколько раз, пока написанное не начинало казаться ему не уступающим по

достоинствам изложения подлиннику Аддисона.

Между тем чтение книг продолжалось. Впечатлительный юноша так увлекался прочитанным, что все, что было возможно, старался немедленно применить к делу и испытать на личном опыте. На шестнадцатом году он прочитал книгу, проповедовавшую вегетарианство, и немедленно решил стать вегетарианцем. Служащие в типографии его брата столовались за счет хозяина в одном частном доме. Франклин предложил брату сумму, уходившую на его обед, выплачивать непосредственно ему самому, причем соглашался получать только половину этой суммы. Брат, конечно, согласился, и Франклин стал сам готовить себе обед, состоявший из картофеля, риса, пудингов и тому подобных растительных блюд.

Несмотря на скромность суммы, которую Франклин получал от брата на продовольствие, он благодаря своему вегетарианству сохранял еще остатки от нее, на которые продолжал увеличивать свою библиотеку. Вместе с тем время, уходившее прежде на обед, теперь Франклин употреблял на чтение и литературные упражнения, так как теперешний его обед, состоявший чаще всего из хлеба с водой, отнимал у него очень немного времени.

Франклин рано почувствовал всю невыгоду отсутствия систематического образования и во время своего пребывания в типографии брата усиленно старался восполнить пробел в своем образовании. Он основательно выучил английскую грамматику, познакомился с риторикой и логикой, изучил также арифметику и начала географии. Но главным образом пополнению его образования содействовало чтение книг, посвященных разным гуманитарным наукам. С особенной благодарностью Франклин вспоминает в своих мемуарах книгу Локка “О воспитании” и Пор-Рояля “Искусство мыслить”.

В это же время Франклин усвоил себе особую манеру вести разговор, впоследствии очень пригодившуюся ему как общественному деятелю, убеждая в чем-нибудь своего противника, Франклин заботился не о том, чтобы заставить его согласиться с приводимыми им доводами, а о том, чтобы навести его самого на те выводы, внушить которые Франклину было желательно. Эта система, известная под названием сократического метода, была заимствована Франклином из “Достопримечательных деяний Сократа” Ксенофонта. Благодаря тому, что Франклину приходилось в молодые годы нередко выдерживать споры с представителями разных английских сект, смотревших с ужасом на молодого Франклина как на деиста, он имел много случаев совершенствоваться в сократическом методе и сделался почти непобедимым в прениях. Много этому

содействовало и то обстоятельство, что Франклин рано воспитал в себе привычку выражать свои мнения в самой мягкой и скромной форме. Сам Франклин большую часть своих успехов в последующей общественной деятельности приписывает именно этим свойствам своих разговоров, споров и прений. По этому поводу он повторяет слова Поппа: “Нужно учить людей так, чтобы они не замечали, что их учат, а думали, что они только вспоминают забытое ими”. Такой способ проведения своих убеждении, по уверению Франклина, никогда не оставался для него безуспешным.

Таким образом, мы видим, что Франклин уже четырнадцати-пятнадцатилетним юношей представлял все главнейшие черты той нравственной личности, которая, во время достижения им зрелого возраста, так обаятельно действовала на всех приходивших с ним в соприкосновение и много содействовала ему в деле устройства судеб его отечества – независимой Америки.

В 1721 году, когда Франклину было 15 лет, брат его начал издавать журнал – одно из первых периодических изданий в Америке. Франклин также принимал участие в деле, но сперва лишь как разносчик, доставлявший журнал подписчикам. Сотрудниками, конечно, даровыми, были несколько лиц из местной интеллигенции. Они часто собирались в типографии, совмещавшей в себе и контору, и редакцию журнала, и толковали о делах последнего. Из их разговоров Франклин понял, что он нисколько не глупее их, обладает не меньшими знаниями и понимает не хуже их общественные вопросы. Отсюда у него возникла мысль самому писать для журнала. Боясь, однако, что на его статьи посмотрят как на ребяческое баловство и не станут просматривать даже рукописей, он написал статью по одному из текущих вопросов и, переписав ее измененным почерком, подкинул к дверям типографии. Подобранная статья была прочитана, одобрена всеми сотрудниками и напечатана. За первой статьей последовали другие, поступавшие в редакцию тем же путем. Все сотрудники журнала были крайне заинтересованы скрывающимся автором таких дельных и информационно насыщенных статей, и каково же было общее удивление, когда случай открыл, кто был этим автором. Не замечаемый дотоле наборщик и разносчик журнала сразу приобрел уважение бостонской интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала, и на юного автора стали смотреть как на чудо.

Был, однако, человек, которому не очень понравилось открытие неизвестного автора – брат и хозяин Франклина. Уже и раньше отношения между ними были далеко не братскими.

Типограф забывал, что Бенджамин ему брат, и видел в нем только типографского ученика, из которого он и старался выжать в свою пользу все, что только было можно. Раннее развитие Франклина было не по сердцу его брату, чувствовавшему зависть к его дарованиям, и он старался всячески унижать Франклина, поручая ему самые грубые и менее всего требовавшие интеллигентности работы. Это оскорбляло гордого Бенджамина, и между братьями возникали горячие споры, оканчивавшиеся тем, что старший брат, пользуясь тогдашним хозяйским правом, бесцеремонно колотил младшего. С тех пор, как Франклин неожиданно выдвинулся своими анонимными статьями в журнале, положение его сделалось совсем невыносимым, и он решил при первом же удобном случае нарушить контракт, закабалявший его.

В это время одна статья политического содержания, помещенная в журнале, вызвала против него преследование. Брат Франклина был подвергнут месячному аресту, и журнал был запрещен. Тогда было решено возобновить журнал под номинальным издательством Франклина. Но так как он в качестве ученика не мог выступать как полноправное лицо, то ученический контракт был уничтожен. Однако брат, желая и далее пользоваться его услугами, настоял на том, чтобы уничтоженный контракт был возобновлен тайным образом.

Несколько месяцев журнал выходил с именем Франклина. Скоро, однако, произошла новая ссора между братьями, и Франклин объявил брату,что, пользуясь уничтожением контракта, он оставляет его. Брат грозил сперва воспользоваться тайным контрактом, но так как Франклин узнал, что тайный контракт не имеет силы, то угроза эта не произвела на него никакого действия. Тогда брат его обошел всех местных типографов и просил их не принимать его брата на службу, вследствие чего они отказались дать Франклину работу, когда он явился к ним с предложением услуг. Франклин не пал духом и решился отправиться в Нью-Йорк, чтобы поступить в одну из тамошних типографий. Тогда брат упросил отца употребить свое влияние на Франклина и убедить его остаться в типографии. Франклин чувствовал, что ему не устоять перед убеждениями отца, и решил бежать из Бостона раньше разговора с ним. Он распродал единственное свое имущество – книги, взял место на судне, отходившем в Нью-Йорк, и через три дня был в этом городе.

Глава II. Начало самостоятельной жизни Франклина

Из Нью-Йорка в Филадельфию. – Прибытие в последнюю. – Работа в типографии. – Знакомство с губернатором Кейтом и коварство последнего. – Франклин в Лондоне. – Возвращение в Филадельфию. – Снова работа в типографии. Основание собственной типографии. – Успехи Франклина в его предприятиях. – Его брак

В Нью-Йорке была только одна типография некоего Брэдфорда, и в нее-то Франклин отправился с предложением своих услуг. Брэдфорд, однако, имел полный комплект рабочих и потому отказался принять Франклина на службу, но в утешение ему сообщил, что его сын, имевший типографию в Филадельфии, ищет рабочего, который вместе с тем заведовал бы и типографией. Филадельфия находилась в полутораста верстах от Нью-Йорка, в кармане Франклина оставались буквально гроши; но ему было в это время всего семнадцать лет – возраст, когда легко поддаются всяким надеждам. И вот он помещается на барку, отправлявшуюся в Филадельфию, и едет в чужой город, без денег и без всяких рекомендаций, имея в виду лишь то, что там один из типографов ищет рабочего. Судно, на котором отправился Франклин, представляло собою старую, жалкую барку, на которой было опасно ехать и которая останавливалась как при безветрии, так и при сильном ветре. Долго мучились пассажиры на этой барке, раз чуть не потонули, голодали, так как припасы все вышли, а приобрести новых в пустынях, которые лежали тогда между Нью-Йорком и Филадельфией, и думать было нечего. К довершению горя Франклин, промокший до костей от дождя, заболел лихорадкой. В самом жалком состоянии он был высажен далеко от Филадельфии, к которой барка не могла подойти, и должен был совершить остальной путь пешком. Голодный, невыспавшийся, дрожавший от лихорадки, в грязном и мокром платье, Франклин производил на встречных впечатление беглого преступника, одного из тех, которых привозили в Америку из Англии на известное число лет обязательной работы к фермерам и которые толпами убегали от своих хозяев. Добравшись, наконец, до Филадельфии, Франклин прежде всего отправился в булочную и потребовал хлеба на ту сумму, на которую по его бостонскому опыту должны были дать количество, достаточное для утоления голода. В Филадельфии хлеб оказался, однако, значительно дешевле, и Франклину на назначенную им

сумму дали три громадных хлеба. Франклин взял под мышки две булки, а третью в руки и стал есть последнюю, переходя из улицы в улицу. В таком виде Франклина увидела с балкона своего дома девушка, ставшая впоследствии его женой, и не могла не расхохотаться над его комичной фигурой. Смех этот заставил Франклина покинуть город и отправиться на набережную, где он и утолил свой голод одним из купленных хлебов, отдав два других первым встречным беднякам. Возвратившись снова в город, Франклин заметил, что по улицам движутся в одном направлении громадные толпы народа, и присоединился к ним. Скоро он попал в огромный зал, в котором собирались для слушания проповедей квакеры, составлявшие в то время большинство населения Филадельфии. Усевшись поудобнее, Франклин отлично проспал несколько часов, пока не кончилось собрание и его не попросили удалиться.

Таково было вступление Франклина в Филадельфию, в которой он впоследствии сделался первым человеком и которая доселе гордится своим прославившимся на весь мир гражданином.

Переночевав на последние деньги в жалкой гостинице, Франклин отправился к типографщику Брэдфорду. Оказалось, что тот уже нашел нужного ему рабочего. Это был сильный удар для Франклина, не имевшего теперь ни копейки денег. Оставалась еще надежда на другого филадельфийского типографа, Кеймера, но и у того не оказалось работы. Положение семнадцатилетнего Франклина в чужом городе, без всяких средств, было отчаянным. К счастью, его приютил Брэдфорд, которому он очень понравился, а скоро Франклину нашлась и работа у Кеймера.

Снова началась для Франклина такая же жизнь, как в Бостоне. Новый хозяин его, Кеймер, не уступал в грубости брату Франклина. Он был так же невежествен и так же завидовал Франклину, сумевшему значительно улучшить его типографию. Само собою разумеется, что положение Франклина в типографии Кеймера было все же значительно лучше, нежели в типографии брата. Вместе с тем, так как он теперь получал жалованье, он мог приобретать значительное число книг и удовлетворять свою любовь к чтению. Он быстро познакомился с несколькими молодыми филадельфийцами, любителями чтения, и у них устраивались каждый вечер общие чтения, сопровождавшиеся обсуждением прочитанного. На этих вечерах Франклин обнаруживал столько ума и такие разносторонние знания, что товарищи его приходили от него в восторг и распространили по городу слух о необыкновенном семнадцатилетнем мудреце. Многие филадельфийцы заинтересовались Франклином, и в

числе их был губернатор провинции Пенсильвания, главным городом которой была Филадельфия. Этот губернатор, по имени Кейт, сыграл с Франклином самую недостойную шутку, которая обошлась последнему дешево только благодаря его счастливой звезде.

В то время англичане смотрели на американские колонии, ставшие впоследствии Соединенными Штатами, как на место, в которое они могут сбывать всякие отбросы своего общества. Они ссылали сюда преступников, наводняя ими города и села Новой Англии. На все должности, зависевшие от короны, назначались разные скомпрометированные и промотавшиеся члены аристократических фамилий, которых желательно было сбыть с глаз долой их важным родственникам. Пенсильвания в этом отношении находилась в еще худшем положении, нежели остальные колонии Новой Англии, так как она была не коронною колонией, а частною. Пенсильвания была основана знаменитым квакером Пенном, потомки которого далеко не обладали его добродетелями, а между тем имели громадное влияние на жизнь колонии, владея большей частью ее территории и назначая важнейших должностных лиц, в том числе и губернатора колонии. Губернаторами они назначали таких лиц, которые соглашались проводить их политику, состоявшую в том, чтобы, пользуясь своими привилегиями, не участвовать в несении податной тягости. В большинстве случаев губернаторы эти были люди весьма мало достойные. Кейт представлял собой тип светского человека, промотавшегося и потерявшего окончательно кредит в Лондоне. В Новую Англию он отправился, надеясь поправить там свои дела. В качестве губернатора Новой Англии он разыгрывал большого барина и старался показывать себя меценатом. Наслышавшись о Франклине, он отправился в типографию Кеймера и пригласил Франклина бывать у него запросто. Неопытный юноша был ослеплен блестящими манерами Кейта, его самоуверенными разговорами о всевозможных предметах и принимал за чистую монету все, что говорил этот промотавшийся хлыщ. А Кейт говорил, между прочим, о жалком положении типографского дела в Америке и о том, что он считает своей обязанностью поднять эту столь полезную отрасль промышленности. Он предложил Франклину отправиться в Лондон, запастись всеми наилучшими принадлежностями типографского искусства и открыть в Филадельфии образцовую типографию, для чего предлагал в распоряжение Франклина собственные средства. Последний доверчиво принял это предложение, немедленно оставив место у Кеймера, повидался со своей семьей и приготовился к отплытию в Лондон.

В то время сообщения между Америкой и Англией были нечасты и нерегулярны. Франклину пришлось ожидать несколько месяцев, прежде чем судно из Филадельфии отправилось в Лондон. Все это время Кейт всячески откладывал заключение формального договора с Франклином относительно ссужения его капиталом на приобретение типографских принадлежностей, а также составление рекомендательных писем, которые он обещал Франклину. Более опытный человек уже из этих проволочек понял бы, что дело неладно; но Франклин, которому в это время не было еще и двадцати лет, продолжал верить в Кейта. Уже перед отъездом Кейт вручил Франклину вместо денег письма, по которым Франклин будто бы должен был получить в Лондоне капитал.

Вместе с Франклином отправился в Лондон один из его филадельфийских молодых друзей, Ральф, воображавший себя поэтом и ехавший искать счастья в метрополии. Этот Ральф вскоре причинил Франклину немало неприятностей.

С первых же шагов в Лондоне Франклин понял, что он был обманут самым бесцеремонным образом. Первый же человек, к которому Франклин явился с письмом Кейта, отказался даже принять это письмо и отозвался о Кейте как о прощелыге и мошеннике. Дальнейшие справки показали Франклину, что репутация Кейта прочно установилась в Лондоне и что все думают о нем так же, как и первый адресат. Приходилось оставить мечты об основании собственной типографии и снова искать место наборщика. В Лондоне найти работу Франклину оказалось еще труднее, чем прежде в Филадельфии. Между тем средства, с которыми явился Франклин в Лондон и которые были результатом его сбережений за время непродолжительной службы у Кеймера в Филадельфии, были очень невелики. К тому же он жил вместе с вышеупомянутым Ральфом, который, страдая самопоклонением, как это обыкновенно бывает с мнимыми поэтами, считал для себя позволительным все и бесцеремонно опустошал кошелек Франклина, тратя его деньги не столько на необходимое, сколько на удовлетворение своих прихотей. Когда средства Франклина пришли к концу, Ральф придрался к чему-то, чтобы поссориться со своим другом, и уехал внутрь Англии с пожилой дамой, с которою он успел сойтись. Франклин остался в Лондоне совершенно один и без всяких средств.

К счастью, упорные поиски работы к этому времени увенчались успехом, и он получил место у одного из главнейших типографщиков Лондона. Здесь Франклин мог ознакомиться с тогдашним последним словом типографского искусства, чем он и воспользовался вполне. Вместе с тем здесь же познакомился он с

одним из печальных явлений жизни большого города – распущенностью и беззаботностью рабочих. В Новой Англии он имел дело с людьми совсем иного типа. Колонисты Новой Англии вербовались преимущественно из сторонников самых строгих сект, которые переселялись из Великобритании, избегая преследования. Большинство из них вели строгую, часто почти аскетическую жизнь. Совсем иное нашел Франклин в Лондоне. Его товарищи по типографии являлись типичными рабочими большого города, живущими изо дня в день, прокучивавшими все свои заработки и не выходившими из долгов ростовщикам. Попавший в их среду маленький американец, с его строгими манерами, серьезностью не по летам, суровым образом жизни и любовью к чтению, был совершенно непонятен им и смешон. Они издевались над ним и порою относились даже враждебно. Франклин спокойно переносил все насмешки и издевки, и его скоро оставили в покое. Мало того, его пример повлиял и на некоторых из его товарищей, которые видели его постоянно здоровым, одетым гораздо лучше их, имеющим всегда свободные деньги и живущим несравненно более осмысленной жизнью. Мало-помалу типография, в которой работал Франклин, совершенно изменила свой вид, и ее рабочие вместо разгула свободное время стали проводить за чтением или посещать театр.

В Лондоне Франклин продолжал деятельно работать над своим самообразованием. Так как в то время еще не было публичных библиотек и кабинетов для чтения, он вошел в соглашение с одним из книгопродавцев, который за известную плату давал ему на прочтение все книги из имевшихся в его магазине, какие было желательно иметь Франклину. Вместе с тем прекрасный материал для чтения доставляли многие серьезные книги, печатавшиеся в типографии, где работал Франклин, и он аккуратно знакомился со всеми поступавшими в типографию рукописями.

Набирая книгу Воластона “О религии и природе”, один из философских трактатов, которых появлялось так много в XVIII веке, Франклин задумал обнародовать собственные мысли по поводу некоторых из затронутых в этом произведении вопросов. В результате появилась брошюра “Рассуждение о свободе и о необходимости удовольствий и страданий”. Она была издана в ограниченном числе экземпляров и не поступила в продажу, будучи роздана знакомым Франклина. Тем не менее, брошюра обратила на себя внимание некоторых тогдашних представителей английского рационализма, имевших случай ознакомиться с нею, – и это дало возможность Франклину завязать некоторые знакомства в литературных, научных, а отчасти и светских кругах

Лондона.

В числе знакомых, которых приобрел Франклин в Лондоне, был некто Денгам, очень образованный коммерсант, с которым Франклин сошелся особенно близко, несмотря на то, что Денгам был вдвое старше его. Денгам намеревался перебраться в Америку и там организовать торговлю английскими товарами в больших размерах. Он предложил Франклину заведовать в этом предприятии конторской частью с тем, что, когда Франклин ознакомится с торговыми делами, Денгам пошлет его в качестве представителя своей фирмы на Антильские острова. Франклин принял это предложение – и вот, после 18-месячного пребывания в Лондоне мы видим его на обратном пути в Америку.

Во время переезда из Англии в Америку Франклин вел подробный журнал, куда заносил все, что он видел и слышал, равно как и то, что он в это время думал. Журнал этот сохранился, и в нем, между прочим, мы находим “правила поведения”, которые начертал себе Франклин. Он смотрел на свое возвращение на родину, которую он так легкомысленно покинул, как на рубеж, долженствующий разделять годы его неопытной молодости от годов зрелости. Франклин полагал, что жизнь дала ему уже достаточно испытаний и он приобрел уже достаточно опытности для того, чтобы сознательно регулировать свое поведение на всю оставшуюся жизнь. И он создает для себя правила, которым, по его собственному признанию, старался верно следовать до последних дней. Вот эти правила:

1. Избегать долгов, а раз они сделаны, платить их как можно скорее.

2. Стараться говорить правду при всяком случае; не давать обещаний и не возбуждать ожиданий, которых не можешь выполнить; быть одинаково серьезным как в деле, так и в слове.

3. Не увлекаться проектами, обещающими быстрое обогащение, ибо труд и терпение – лучшие источники благосостояния.

4. Не говорить дурно ни о ком, хотя бы это дурное было и справедливо; лучше извинять ошибки других, чем ставить их в упрек; при всяком случае говорить о каждом все, что знаешь о нем хорошего.

Правила эти не так-то легко соблюдать, особенно человеку, которому только что минуло 20 лет. Тем не менее, Франклин умел придерживаться этих правил благодаря широко развитой им способности наблюдать за самим собою, о чем мы еще будем иметь случай говорить.

Торговля Денгама должна была открыться в Филадельфии, где Франклин, как мы видели, уже жил и имел круг друзей. Здесь

же жила и мисс Рид, встретившая Франклина смехом при первом его вступлении в Филадельфию и сделавшаяся затем избранницей его сердца. Перед отъездом Франклина в Лондон молодые люди дали слово друг другу. Однако увлеченный новыми впечатлениями лондонской жизни Франклин оставлял свою невесту все время своего пребывания в Лондоне без всяких известий о себе. Считая себя забытой, молодая девушка поддалась убеждениям родных и вышла замуж за некоего Роджерса незадолго перед возвращением Франклина в Филадельфию. Франклин всю жизнь не мог простить себе своего легкомыслия, с которым он разбил как собственное счастье, так и счастье любимой женщины, замужество которой вышло крайне неудачным: Роджерс оказался мотом и пьяницей, он быстро промотался и бежал от преследований кредиторов на Антильские острова, где вскоре и умер. Благодаря последнему обстоятельству Франклин имел возможность исправить свою ошибку и, женившись на дорогой ему женщине, зажил самой счастливой семейной жизнью.

Однако раньше, чем это случилось, Франклину предстояло вынести еще немало испытаний. Он прекрасно устроился в торговом предприятии Денгама и так хорошо вел порученное ему дело, что Денгам уже поговаривал о том, чтобы взять своего молодого сотрудника в компаньоны. Неожиданная случайность разрушила все эти планы: и Денгам, и Франклин оба внезапно заболели воспалением легких. Франклин долго находился между жизнью и смертью; оправившись, он узнал, что Денгам умер, торговля его прекращена и ему, Франклину, снова приходится очутиться на улице без копейки денег и искать работы ради насущного пропитания.

К счастью, пребывание Франклина в Лондоне, притом в первоклассной типографии, пользовавшейся всеобщей известностью, придало ему значительный престиж в глазах американских типографов, и его бывший хозяин, Кеймер, немедленно же предложил Франклину заведование своей типографией. Франклин колебался принять это предложение, помня, как дурно относился к нему Кеймер прежде, но затем согласился, обусловив для себя только полную самостоятельность в деле управления типографией.

Опасения Франклина относительно Кеймера скоро оправдались. Франклин работал, как говорится, за четверых. Он не только исполнял обязанности управляющего типографией, но также учил наборщиков и печатников их делу, улучшал печатные станки, изготовлял типографские чернила, отливал шрифт, занимался граверными работами и так далее. Когда благодаря

неутомимому труду и своей изобретательности Франклин поставил типографию на такую высоту, на какой не стояла тогда ни одна типография в Америке, Кеймер вообразил, что теперь он может обойтись без Франклина, и стал искать предлог отделаться от него. Он начал позволять себе грубые выходки по отношению к управляющему и однажды решился упрекать его даже в том, что тот ничего не делает. Франклин, не сказав ни слова, взял шляпу и немедленно вышел из типографии, чтоб больше не возвращаться.

Таким образом, Франклин снова остался без работы. Но прекрасные качества Франклина недаром приобрели ему множество друзей и поклонников: во всех затруднительных случаях его жизни всегда находились люди, готовые оказать ему поддержку. Поддержка эта явилась и теперь.

В числе работавших в типографии Кеймера был некто Мередит, сын богатого землевладельца, – добрый малый, но довольно бесталанный и неудачливый. Он брался за многие предприятия, но ни в одном не имел успеха. В типографию он поступил затем, чтобы, ознакомившись с делом, открыть собственную. Вскоре, однако, он увидел, что у него совсем нет качеств, необходимых для того, чтобы стоять во главе типографского предприятия. Когда Франклин покинул Кеймера, у Мередита, искренне привязавшегося к Франклину за время управления последним типографией Кеймера, явилась мысль предложить Франклину открыть типографию сообща: Мередит должен был дать для этого необходимый капитал, а Франклин – внести в предприятие свои знания и уменье вести дела. Предложение это пришлось очень кстати для Франклина, и он принял его. Немедленно были отправлены заказы на типографские принадлежности в Англию, но так как тогда, как мы уже говорили, сообщения между Англией и Америкой были крайне редки и чрезвычайно медленны, то исполнение заказов можно было ожидать не ранее как через год. Ввиду этого Франклин искал временных занятий в какой-либо типографии. Узнав об этом, к нему явился Кеймер, извинился в своей несправедливости и просил Франклина принять в свое временное заведование Нью-Йоркское отделение его типографии, предоставляя ему при этом полную самостоятельность в ведении дел. Франклин принял это предложение и прожил некоторое время в Нью-Йорке.

Здесь Франклин имел случай познакомиться с рядом личностей, сыгравших впоследствии видную роль в деле установления независимости Соединенных Штатов. Это были Аллен, Персон, Купер, Смит и другие. С этими выдающимися людьми у Франклина завязались самые дружеские отношения,

которые прекращались только смертью того или иного из друзей.

Когда наконец были получены заказанные в Англии типографские принадлежности, Франклин приступил к устройству собственной типографии. Популярность его была настолько велика, что немедленно, как только Франклин и его компаньон Мередит установили станки в нанятом ими доме, в новую типографию посыпались заказы. Это было как нельзя более кстати, так как капитала, внесенного в предприятие Мередитом, хватило лишь на то, чтобы обставить всем необходимым типографию, на текущие же расходы у компаньонов не было ни копейки; но быстро поступившие заказы выручили их из крайне затруднительного положения.

С этого времени начинается наиболее деятельная часть жизни Франклина. И прежде он работал, как работают только немногие, не теряя ни минуты и будучи постоянно занят то своим ремеслом, то занятиями по самообразованию; но теперь эти работы сделались еще интенсивнее. В типографии Франклин исполнял обязанности управляющего, конторщика, метранпажа, накладчика, словолитчика, механика, а часто и печатника, и даже наборщика. Он начинал ежедневные работы раньше всех других, работавших в типографии, и заканчивал их позже всех. Для самообразования ему оставалась только ночь, и он, несмотря на дневные труды, проводил большую часть ночи за чтением. Никаких удовольствий и развлечений он себе не позволял и жил настоящим стоиком. Товарищ его, Мередит, оказался плохим помощником и сваливал весь труд на Франклина, а вскоре и совсем отказался от типографии, предоставив Франклину выплатить ему вложенный им в предприятие капитал. Последнее Франклину удалось сделать довольно быстро, ибо, работая без отдыха, он зарабатывал больше других типографов, а проживал благодаря своему спартанскому образу жизни крайне мало. Таким образом, не достигнув еще и двадцатипятилетнего возраста, Франклин стал владельцем значительного предприятия, приносящего хороший доход, тогда как еще недавно у него буквально не было лишнего гроша в кармане.

В этот многотрудный период жизни Франклина большой поддержкой ему стала его жена, бывшая мисс Рид, а затем миссис Роджерс. В своих мемуарах Франклин посвящает самые прочувствованные страницы своей подруге жизни, к которой он питал самые нежные чувства до самой смерти. Все источники единогласно рисуют жену Франклина как женщину в высшей степени достойную уважения. Нежная подруга своего мужа, она была истинным другом, с которым он делился всеми своими горестями и радостями, и истинным его помощником,

принимавшим самое деятельное участие во всех его начинаниях. Вместе с тем, приняв на себя заботу о всех хозяйственных мелочах, которые ранее отнимали у Франклина немало времени, она повела хозяйство так умело, что Франклины, не испытывая ни в чем нужды, в то же время расходовали лично на себя крайне мало. Это в значительной мере содействовало тому, что Франклин быстро смог рассчитаться со своим компаньоном Мередитом и сделаться собственником типографии, а также давало возможность Франклину делать значительные пожертвования на общественные нужды, к чему он был особенно склонен, как это мы увидим ниже.

Глава III. Начало общественной деятельности Франклина

Религиозные и общественные воззрения Франклина. – Общественная деятельность. – Юнта. – Франклин – публицист и журналист. – Альманах добряка Ричарда. – Первая библиотека. – Общество пропаганды добродетели. – Франклин – секретарь провинциального собрания и директор почт в Филадельфии. – Организация ночных сторожей и противопожарное общество. – Франклин – член провинциального собрания. – Личные дела – имущественные и семейные

Как мы уже говорили, население северных английских колоний в Америке, или так называемой Новой Англии, сложилось преимущественно из разных английских сектантов, подвергавшихся преследованиям в Великобритании. Эти колонисты были проникнуты горячим религиозным чувством, а испытанные ими преследования развили в них замкнутость, узость мировоззрения и нетерпимость. Представители отдельных сект находились в вечной ожесточенной борьбе, осыпая друг друга проклятиями и грозя друг другу адом. Религиозная полемика и формальное выполнение обрядов мало-помалу заменили все те хорошие качества, которые присущи почти всякой молодой религиозной общине и придают ей силу и ценность. Само собою разумеется, что в этой формальной религиозности, как всегда, была масса лицемерия. Это лицемерие заставляло сектантов смотреть на людей, уклонявшихся от обрядовых формальностей или не принадлежавших к существующим общинам, как на нечто ужасное или в лучшем случае жалеть их, как обреченных дьяволу. Именно в таком положении находился Франклин. С детства получивший глубокое отвращение к религиозным раздорам и бывший в течение ряда лет свидетелем того, как каждая из существовавших в Америке религиозных общин объявляла все другие общины достоянием дьявола, Франклин кончил тем, что сделался деистом. Признавая существование Верховного Существа, создавшего мир и управляющего им, одаренного мудростью и добротою, Франклин совсем отказывался понимать разные религиозные тонкости, делящие христиан на множество толков. Вместе с тем он ставил ни во что обрядовую религиозность и утверждал, что истинно верующий человек будет выражать веру не обрядами, а своим поведением по отношению к ближним. Вследствие таких

воззрений Франклин не принадлежал ни к одной из бывших в Новой Англии церквей, но охотно посещал тех проповедников, – к какой бы церкви они ни принадлежали, – которые говорили об оправдании веры делами, и охотно поддерживал все добрые начинания подобных проповедников. Таким образом, Франклин принимал участие в устройстве школ, сиротских домов, богаделен, больниц, которые устраивались всеми местными религиозными общинами.

Такие мнения и такое поведение Франклина сильно смущало пуритан, квакеров, епископалов и других, из которых состояло тогдашнее общество Новой Англии. Смущены были и родные Франклина. Отец и мать не раз пытались возвратить его на путь истинный, то есть к сектантской узости. Сохранилась переписка Франклина с родителями по этому поводу. Переписка эта, вместе с письмами Франклина к представителям разных толков, пытавшимся привлечь его в лоно своих церквей, представляет собою богатый материал для оценки умственных и нравственных качеств Франклина и вместе с тем глубоко поучительна для всех, кого интересуют вопросы о душе, сущности мировой жизни и обязанностях человека.

При таком свободомыслии, таком узком и нетерпимом обществе Франклин сумел, однако, избежать отрицательного отношения к себе со стороны большинства и, в значительной мере содействуя устранению сектантской узости американского общества, добился громадного влияния на общественную жизнь. Этому содействовали как благородная, спокойная, терпимая и бескорыстная его натура, так и его общественные взгляды и стремления.

Сущность общественных воззрений Франклина может быть сведена к следующей формуле: как можно меньше опеки над обществом и как можно больше общественной самодеятельности. Этой формуле Франклин оставался верен всегда, и для осуществления ее он много поработал в качестве частного лица, члена провинциального собрания Пенсильвании, представителя колоний перед метрополией, посланника восставших североамериканцев во Франции и, наконец, члена первого конгресса Соединенных Штатов и конвенции, создавших конституцию этого государства. Он отстаивал независимость колоний от метрополии, графств от штатов, общин от графств и самый широкий простор для самодеятельности, как для всяких ассоциаций, так и для отдельных лиц. Каждый – будь то отдельный человек или группа связанных теми или другими интересами лиц – имеет право и обязан заботиться об этих интересах, не дожидаясь, пока об этом позаботится кто-либо

другой – сосед, общинный совет, провинциальное собрание или государственная власть, – такова доктрина, которую всегда проповедовал и осуществлял на деле Франклин и которая затем вошла в плоть и кровь североамериканцев.

Первым видным общественным начинанием Франклина является устройство “Юнты”. Под этим названием возник кружок из лиц, стремившихся к самообразованию и искавших во взаимном общении помощи и поддержки на данном пути. “Юнта” была основана в 1726 году, то есть когда Франклину было всего 20 лет. Первоначально члены кружка собирались раз в неделю и занимались обсуждением вопросов, которые предлагались членами и касались области нравственности, политики или науки; кроме того, раз в три месяца каждый член обязан был представить собранию разработанный реферат по одному из обсуждавшихся вопросов. Позднее клуб был открыт каждый день, в него являлись, когда желали, а к прежним занятиям членов присоединилось чтение газет и книг; но первоначальный характер учреждения, посвященного самообразованию членов в широком смысле этого слова, “Юнта” сохраняла все время своего существования: в ней не было ни игры в карты, ни танцев, ни выпивки и закуски – словом, ничего, что теперь неизбежно связывается с понятием о клубе. В “Юнге” работали только головой – и эта взаимная работа, вызывавшая соревнование и делавшаяся особенно удачною от взаимной помощи, имела громадное влияние на юных членов кружка, которые получали здесь разностороннее образование и знакомились со всеми важнейшими общественными вопросами времени. Число членов “Юнты” было ограничено ее уставом, но так как воспользоваться выгодами подобного учреждения вскоре пожелали многие молодые люди, то члены “Юнты” стали учреждать новые клубы с подобными же задачами. Таким образом создалась широкая организация, охватившая сперва всю Филадельфию, а затем проникшая и в другие города Новой Англии и даже в южные колонии. Тон всей этой организации задавала “Юнта”, служившая источником распространения новых идей и знаний по всем другим клубам. Этим путем Франклин, игравший главную роль в “Юнте”, оказывал громадное влияние на молодежь будущих Соединенных Штатов и воспитал поколение борцов за независимость Америки. Вместе с тем, эта клубная организация помогла ему и в его практической общественной деятельности, так как почти всегда прежде официального предложения той или другой общеполезной меры он проводил ее в “Юнте”, а через нее и в других клубах и этим путем подготавливал общественное мнение к принятию данной меры.

Влияние, которое Франклин благодаря “Юнте” и связанным с нею клубам получил в Филадельфии, а затем и вообще в Америке, значительно усилилось, когда он выступил на поприще публициста. Мы уже говорили о ранних попытках Франклина в этом направлении, но истинным началом его публицистической деятельности нужно считать время, когда он обзавелся собственной типографией. С этого времени публицистическая деятельность Франклина не прерывалась до конца его дней. Любимой формою этой деятельности являлась для него брошюрная публицистика. Мелкие брошюры, в которых он отзывался положительно на каждую злобу дня, написанные остроумным, часто ироническим языком и доказывающие проводимые в них идеи с доступной всем очевидностью, пользовались громадным влиянием в Америке, проникая нередко и в Европу, где они тоже имели немалый успех. О некоторых из этих брошюр, много содействовавших отделению Америки от Англии, мы еще будем упоминать ниже. Но одна брошюрная форма публицистики не могла удовлетворить Франклина, и вскоре после обзаведения собственной типографией он основал газету, которую издавал в течение многих лет, пока защита интересов родины не заставила его надолго поселиться сперва в Англии, а затем во Франции.

Газета, основанная Франклином, была второю в Филадельфии по времени возникновения. Первая газета, издававшаяся типографом Брэдфордом, влачила самое жалкое существование и приносила убыток, несмотря на то, что сотрудники ее работали из любви к искусству. Этот прецедент не остановил, однако, Франклина, который отлично понимал, что причина неуспеха газеты Брэдфорда кроется в ее бесцветности и неинтересности содержания. Франклин сделал свою газету общественным органом, посвятив ее обсуждению вопросов политической, государственной и местной жизни – и газета имела громаднейший по тогдашнему времени успех. Успех этот привлек многих даровитых людей к журналистской деятельности – и скоро, по примеру Филадельфии, все важнейшие города английской Америки обзавелись политическими органами, и таким образом было положено начало американской журналистике, колоссальное развитие которой в настоящее время вызывает общее удивление.

Одновременно с газетой Франклин издавал в течение почти трех десятков лет оригинальное периодическое издание, предназначенное для той деревенской и вообще простонародной публики, которая не читала газет. Издание это называлось “Альманах добряка Ричарда” и представляло собою нечто вроде

календаря, наполненного практическими сведениями и советами – хозяйственного и общественного характера. “Альманах” имел громадный успех и, делая имя автора популярным в низших классах американского населения, вместе с тем проводил в эту среду излюбленные идеи Франклина.

Вскоре после основания газеты Франклин создал учреждение, которое в настоящее время играет выдающуюся роль в жизни всех цивилизованных стран, – публичную библиотеку, существующую на подписную плату. До Франклина подобные учреждения были совсем неизвестны, так что идея их принадлежит всецело ему. Ранее существовали только частные или государственные книгохранилища, доступ к которым был крайне затруднен и которые представляли собою крайне редкое явление. Идея публичных библиотек, доступных всем и притом основанных на принципе подписной платы, повела к возникновению библиотек по всему земному шару и сделала пользование книгами доступным всякому. В этом случае решительно всякий член цивилизованного общества обязан Франклину за благодеяние, оказанное им человечеству созданием первой общественной библиотеки.

Первоначально эта библиотека возникла для членов “Юнты”. По предложению Франклина все члены этого кружка снесли имевшиеся у них книги в помещение, в котором собирался кружок, и здесь этими книгами мог пользоваться каждый, беря их в случае надобности и домой. Затем, так как появилась надобность в приобретении новых книг для библиотеки, члены были обложены особым сбором, сделавшимся скоро периодическим. Далее, опять-таки по предложению Франклина, в интересах процветания дела, к участию в подписке и пользовании библиотекою были допущены и посторонние лица, не принадлежавшие к “Юнге” – и таким образом возникла первая общественная библиотека. Франклин относился к своему детищу с чрезвычайною заботливостью и, пользуясь своими связями с Лондоном, которые он завязал во время своего пребывания в этом городе, он имел возможность приобретать для библиотеки все заслуживавшие внимания новые книги. Последнее обстоятельство привлекало к библиотеке новых подписчиков, что расширяло средства библиотеки, а это давало возможность дальнейшего улучшения ее. Вместе с тем, очевидная громадная польза, приносимая библиотекой, вызывала немалые пожертвования для ее улучшения и расширения.

Успех филадельфийской библиотеки вызвал подражания в других городах английских колоний Америки, и скоро все заселенные части Америки имели общественные библиотеки.

Библиотечное дело получило здесь такое развитие, какого оно не достигло ни в какой другой цивилизованной стране, и историки Соединенных Штатов единогласно приписывают в значительной мере влиянию публичных библиотек быстрый культурный рост этой страны и в частности развитие в населении чувств независимости и самостоятельности, приведшее к отделению страны от Англии.

Библиотека, основанная Франклином, существует до сих пор и является одной из самых замечательных даже в Соединенных Штатах. В настоящее время она содержит несколько сот тысяч томов; при основании же ее в 1731 году в ней насчитывалось всего двести с небольшим томов.

Одновременно с устройством библиотеки Франклин был усиленно занят проектом устройства “Общества распространения добродетели”. Проект этот появился у Франклина в связи с его довольно оригинальной попыткой личного нравственного перевоспитания. В детских книгах о Франклине уделяется много места этой последней попытке, но в сущности она любопытна лишь для характеристики оригинальной личности Франклина и едва ли может служить образцом для чьего-либо поведения. Франклин задался целью следить самым тщательным образом за своим поведением, систематически заботиться об искоренении в себе всяких недостатков. С этой целью он, между прочим, завел особую книгу, листы которой были разграфлены горизонтально и вертикально и содержали в горизонтальных графах названия семи важнейших, по мнению Франклина, добродетелей, а в вертикальных – названия дней недели. Каждый день перед сном Франклин припоминал все свое поведение за день и отмечал, против каких добродетелей он погрешил в течение дня. В конце недели записи просматривались и определялось, недостатком какой добродетели всего более страдает Франклин, и в следующую неделю он обращал особое внимание на то, чтобы избегать замеченных недостатков. Такого рода самонаблюдению Франклин подвергал себя в течение нескольких лет, пока общественные дела не лишили его возможности тратить на это время. Конечно, крайне сомнительно, чтобы этим путем Франклин сделался добродетельнее; но несомненно, что именно таким образом в нем развилась привычка всегда следить за своим поведением и чрезвычайная сдержанность в словах и поступках, которая поражала его современников и давала ему всегда перевес над противниками в общественных делах. Сам Франклин, однако, придавал большое значение практиковавшемуся им способу “морального усовершенствования” и желал иметь последователей на этом пути. Члены проектировавшегося им “Общества

распространения добродетели” должны были пройти именно такого рода искус и затем, достигнув большего или меньшего совершенства, выступать на арену общественной деятельности, чтобы, являясь в роли общественных деятелей украшенными всеми добродетелями, влиять нравственно-воспитательным образом на общество, и в особенности на молодежь. Проект этот, впрочем, не пошел дальше бумаг Франклина и даже не был предложен на обсуждение “Юнты”: очевидно, Франклин сам сомневался в его осуществимости.

“Юнта” и связанные с ней клубы, журнал, библиотека, типография и ряд других начинаний Франклина, в связи с его чарующей нравственной личностью, скоро сделали его имя в высшей степени популярным в Филадельфии и вообще в Пенсильвании. Сограждане оценили Франклина по достоинству и выбрали, несмотря на его молодость, секретарем провинциального собрания Пенсильвании, а местный губернатор предложил ему место директора почт в Филадельфии. На обеих этих должностях Франклин показал себя деятельным, трудолюбивым, изобретательным и в высшей степени добросовестным человеком. В провинциальном собрании он, несмотря на скромность занимаемой им должности, скоро приобрел значительное влияние, проводя свои проекты среди членов собрания. Что касается почтовой службы, то Франклин поставил ее на такую высоту, на какой она в то время не была не только в Америке, но и в самой Англии. Достигнутый им в этом отношении успех заставил английское правительство передать в его заведование почты всей английской Америки, и Франклин долго исполнял обязанности генерал-почтмейстера Америки.

Занятие названных должностей не помешало Франклину продолжать работать для общественного блага излюбленным им путем – путем частных ассоциаций и вообще частной инициативы. Особенное внимание он обратил в это время на внешнее благоустройство Филадельфии. Полтораста лет тому назад, судя по сделанному Франклином в его мемуарах описанию, Филадельфия мало чем отличалась от наших современных уездных городов. Здесь была та же грязь весною и зимою, та же пыль летом; точно так же отсутствовало уличное освещение; противопожарные средства находились в жалком положении, и так далее. Франклин усиленно занялся благоустройством города и скоро привел его в цветущее состояние. В целях охранения безопасности города в ночное время жители Филадельфии при ее основании установили натуральную повинность, которую должны были выполнять все обитатели города и которая состояла в ночных караулах.

Впоследствии, ввиду того, что многие находили службу в караулах обременительной для себя, было предоставлено желающим заменять отбывание этой повинности денежными взносами, которые поступали в распоряжение лица, бравшего на себя обязанность заботиться об охранении города от ночных воров. В результате получилось, что должность “констебля”, как именовалось названное лицо, была в высшей степени доходною, а охранение города являлось чистою фикцией. Взамен такого порядка Франклин предложил проект, по которому поддержание ночного караула должен был взять на себя город, причем сумма, необходимая для содержания стражи, должна была раскладываться на имущества обывателей пропорционально их стоимости. Проект этот был предложен Франклином сперва “Юнте”, затем отсюда перешел в другие клубы и наконец получил силу закона, будучи принят провинциальным собранием. Устроив это дело, Франклин обратил внимание на противопожарные средства Филадельфии и разрешил этот вопрос устройством вольной пожарной команды. В члены вольной команды сначала записалось всего несколько человек, причем одни брали на себя личное участие в тушении пожаров, а другие обязывались содержать наготове разные пожарные принадлежности. Вскоре вольная команда получила такую популярность, что в нее записалось несколько сот членов, а затем образовалось несколько других команд, пока, наконец, почти все жители города не сделались членами этих команд. И с тех пор пожары, бывшие ранее страшно разрушительными, уже никогда не истребляли более одного-двух домов зараз. Таким же образом Франклину удалось устроить тротуары на улицах города, организовав удаление нечистот, осветив улицы и площади и так далее.

Деятельность Франклина в качестве секретаря собрания и директора почт, а также его заботы о благоустройстве города составили ему еще большую известность, и на ближайших выборах он был избран своими согражданами членом провинциального собрания от Филадельфии. Обязанности члена этого собрания Франклин нес затем почти до конца своих дней, будучи избираем вновь по окончании каждого срока полномочий собрания. В качестве члена собрания он пользовался значительным влиянием и сделал немало хорошего для Пенсильвании и Филадельфии.

Личные дела Франклина в это время шли как нельзя более успешно. Так как его типография была лучшей в Америке, а владелец ее отличался безусловной честностью и относился к выполнению заказов с самою добросовестною аккуратностью, то типография его всегда была завалена работою. Особенно выгодны

были для Франклина заказы провинциальных собраний, печатавших в его типографии бумажные деньги, которые тогда выпускались каждой колонией самостоятельно. Успеху его типографии много содействовало то обстоятельство, что штат ее рабочих всегда состоял из лучших представителей печатного дела в Америке, которых привлекало как высокое вознаграждение и хорошее отношение к рабочим со стороны Франклина, смотревшего на них как на членов своей семьи, так и заботы Франклина о том, чтобы сделать лучших из своих рабочих самостоятельными хозяевами. Целый ряд лиц, служивших в типографии Франклина, благодаря его помощи сделались сами владельцами типографий. Франклином в этом случае руководило как желание сделать добро своим товарищам по работе, так и то соображение, что увеличение числа типографий в стране облегчит возможность печатания книг и издание газет и, следовательно, будет иметь огромное просветительное влияние. Таким образом, благодаря Франклину возникло множество типографий в городах как Новой Англии, так и в южных колониях, бывших и тогда самой отсталой частью английских владений в Америке.

Семейная жизнь Франклина шла самым счастливым образом. К тридцатилетнему возрасту мы видим его уже окруженным группою детей. Отношения его с женой наоборот не оставляли желать ничего лучшего, и Франклин до конца своих дней сохранял к супруге самую нежную привязанность. Дети также радовали его, и отношения между ними и отцом установились наиболее желательные для обеих сторон, так как кроме любви их связывало и взаимное уважение, и такие отношения сохранялись также до конца жизни Франклина.

В начале сороковых годов XVIII столетия, когда Франклину было всего около 35 лет, материальное положение его было настолько удовлетворительно, что он решил оставить занятия личными делами, передав типографию другому лицу, и всецело посвятить себя общественной деятельности. Люди, дела которых идут успешно, редко оставляют их; но Франклин не понимал богатства ради богатства и, обеспечив своей семье безбедное существование, счел себя обязанным отдать все свои силы на служение своей родине.

Глава IV. Франклин – крупный общественный деятель английских колоний в Америке

Организация защиты колоний от испанцев. – Устройство академии и госпиталя. – Переговоры с индейцами. – Генеральная конвенция в Олбани. – План федерации колоний. – Содействие войскам во время войны с Францией. – Франклин – комиссар обороны Пенсильвании. – Билль о милиции. – Устройство фортов. – Франклин – командир полка. – Раздор с губернатором Пенсильвании. – Франклин избирается представителем Пенсильвании в Лондоне

С того момента, как Франклин удалился от промышленных дел и посвятил себя всецело общественной деятельности, его работа для общего блага получила широкое развитие и сделалась крайне разносторонней, захватывая большей частью интересы уже всей английской Америки. Как раз в этот момент злобой дня для английских колоний был вопрос о защите от испанцев, с которыми тогда воевала Англия. Последняя оставляла свои колонии почти совершенно беззащитными, а в самих колониях не было ни организованной военной силы, ни военного управления, которое могло бы взять на себя организацию обороны. В Пенсильвании дело усложнялось еще тем, что в провинциальном собрании большинство состояло из квакеров, отрицающих войну принципиально; при таком составе собрание отказывалось ассигновать какие-либо средства на укрепление страны и приобретение военных запасов. Дело находилось в самом печальном положении, когда за него взялся Франклин. Прежде всего, он придумал формулу, под которой лицемерные квакеры без затруднений ассигновали необходимые для организации обороны средства: деньги были отпущены не для военных целей, а для пропитания лиц, исполняющих общественную службу, под которыми негласно подразумевались вооруженные силы. Затем Франклин задался целью организовать достаточную силу, которая могла бы отразить нашествие врага. С этой целью он напечатал брошюру, под названием “Простая истина” и доказывавшую, что если сами жители колоний не позаботятся об организации защиты своей территории, то им неоткуда будет более ждать помощи, и страна их будет постоянно подвергаться нападению всех тех народов, с которыми будет воевать Англия; брошюра заканчивалась предложением основать ассоциацию защитников

Пенсильвании и приглашением сочувствующих этой идее собраться в назначенный день для обсуждения этого вопроса. Собрание состоялось, и проект Франклина был принят; тут же записалось более 1200 человек, изъявивших желание добровольно служить для защиты колонии. Когда весть об основании ассоциации распространилась по всей Пенсильвании, число добровольцев достигло 12 тысяч. Чтобы содержать эту небольшую армию и снабдить ее оружием и артиллерией, нужны были значительные средства, и Франклин достал их путем добровольной подписки, в которой приняло участие, под влиянием речей и брошюр Франклина, почти все население Пенсильвании. Пример последней увлек и другие колонии, так что скоро в английской Америке образовалась значительная военная сила, которая осталась без употребления на этот раз, так как испанцы не делали нападения на английские колонии в Америке, но которая сослужила большую службу американцам, явившись ядром тех армий, которые впоследствии боролись за независимость Соединенных Штатов.

Когда военная гроза улеглась, мысли Франклина обратились к другому предмету, имевшему еще более важное значение, нежели организация обороны страны. Дело шло об организации общественного образования в Америке. До сороковых годов XVIII столетия в Америке не было школ с курсом, превышающим программы начального образования. Тот, кто желал дать своим детям более широкое образование, должен был отсылать их в Англию, что, конечно, было доступно только очень богатым людям. Франклин задался целью организовать среднее, а затем и высшее образование в самой Америке. Так как в этом деле было заинтересовано все население, то Франклин и обратился непосредственно к нему, открыв подписку для устройства в Филадельфии академии, которая должна была представлять собою соединение среднего и высшего учебных заведений. Подписка дала блестящий результат, и в непродолжительном времени академия была открыта. Желающих учиться в новом учебном заведении оказалось так много, что вскоре в городе не нашлось здания, достаточно вместительного для новой школы. Франклин снова открыл подписку и собрал громадную сумму, достаточную для устройства университетского здания. Он был выбран попечителем будущего университета, и на него легли все обширные заботы по устройству здания. Первый университет в Америке был основан, и Франклин оставался его попечителем до самой смерти. Этот университет является до сих пор одним из лучших высших учебных заведений в Америке. Основание Франклином академии, как и все, что он делал, немедленно же

вызывало подражание в других английских колониях Америки, и Франклин еще при своей жизни имел удовольствие видеть целый ряд высших и средних учебных заведений на своей родине. Вместе с тем и способ основания первого американского университета – путем частной инициативы – сделался традиционным в Соединенных Штатах, где все многочисленные высшие учебные заведения возникли по частной инициативе и существуют на пожертвования.

Устроив в течение нескольких лет академию, Франклин взялся за осуществление другой общественно полезной идеи – устройство первой общественной больницы в Америке. Мысль эта принадлежала другу Франклина, врачу Бонду, но осуществление ее Франклину пришлось всецело взять на себя. Его брошюры и речи возбудили в американцах общий интерес к этому совершенно новому для Америки делу, – и в результате были собраны громадные пожертвования, на которые был устроен богато обставленный госпиталь в Филадельфии. Это учреждение, послужившее прототипом столь многочисленных в Соединенных Штатах общественных больниц, устроенных на частные средства, было предметом особенного попечения Франклина до самой его смерти, и он истратил на его улучшение и расширение немалую часть своего состояния, добытого таким упорным трудом.

В это же время граждане Филадельфии, а затем и всей Пенсильвании, избирали Франклина на разные общественные должности и давали ему важные поручения. Между прочим, одно время Франклин исполнял обязанности мирового судьи, но вскоре оставил эту обязанность, убедившись, что юриспруденция чаще служит для узаконения неправды, нежели для восстановления правды. Затем он был полномочным комиссаром от Пенсильвании в комиссии, впервые установившей мирные отношения между колонистами и индейцами и разграничившей территорию между теми и другими. В 1754 году Пенсильвания послала Франклина на генеральную конвенцию в Олбани, куда собрались представители всех тогдашних английских колоний Америки и где Франклин предложил план федерации колоний, положенный впоследствии в основу организации Соединенных Штатов. Это событие послужило поворотным пунктом в жизни Франклина, так как с этого момента из пенсильванского деятеля он делается американским, и вместе с тем сыграло видную роль в истории Америки, так как здесь впервые стала очевидной общность интересов всех английских колоний в Америке и неизбежность слияния их в одно политическое целое.

В то время, о котором идет речь, английские владения в Америке представляли собой ряд ничем не связанных друг с

другом колоний, из которых каждая подчинялась или министерству в Лондоне, или непосредственно английскому королю. Колонии сами по себе были лишены возможности предпринять какое-либо общее дело, выработать сообща какие-либо меры, одинаково необходимые для всех. Такие действия и меры могло принимать только лондонское правительство; но оно, будучи поглощено делами собственной Англии и европейской политикой, совсем не думало об удовлетворении общих нужд колоний; к тому же отношения между английскими колониями в Америке и метрополией сделались с середины XVIII столетия настолько натянутыми, а затем и враждебными, что колониям нечего было ждать особой заботы по отношению к ним со стороны лондонского правительства; наконец американские колонии и не признавали за лондонским правительством права вмешиваться в их внутренние дела. Таким образом, общие нужды колоний оставались неудовлетворенными; а между тем нужд этих было немало, и они были существенно важны. Неудивительно, что идея о федерации колоний, об объединении их в одно целое, высказанная Франклином в Олбани, пришлась как нельзя более кстати; американцы быстро восприняли ее и осуществили в виде Соединенных Штатов.

Поводом к созыву представителей колоний в Олбани послужило ожидание войны между Англией и Францией. Это было в 1754 году. Лондонское правительство рекомендовало губернаторам колоний принять все необходимые меры для защиты колоний от ожидаемого нападения французов (из Канады, принадлежавшей тогда Франции). В числе этих мер был указан созыв представителей всех колоний и шести важнейших индейских племен для совещания по вопросам защиты страны. Этим-то собранием и воспользовался Франклин, избранный в числе четырех представителей от Пенсильвании, чтобы предложить вниманию американцев план федерации колоний. План этот в общих чертах состоял в следующем: каждая колония должна была выбирать двух депутатов на три года; общее собрание таких депутатов действовало под председательством лица, назначенного королем. Собрание имело право решать вопрос о войне и мире с индейцами и издавать законы для новых, купленных у индейцев земель; ему же предоставлялось право набирать войска, строить крепости и снаряжать корабли для охранения берегов и торговых кораблей на морях. Для покрытия расходов на указанные предметы собрание депутатов имело право определять взносы отдельных колоний. План этот был принят собравшимися в Олбани представителями колоний, но был отвергнут в Лондоне. Тем не менее, он имел важное значение

в жизни Америки, так как впервые зародил в умах американцев идею о необходимости объединения колоний, составивших впоследствии Соединенные Штаты.

Вскоре началась ожидавшаяся война с французами, и английские колонии оказались в совершенно беззащитном положении. Приходилось уже во время войны заботиться об организации защиты – и здесь первое место снова принадлежало Франклину. Прежде всего он оказал громаднейшие услуги английским войскам, которые были присланы в Новую Англию для действия против французов. Интендантская часть в этих войсках была в самом жалком положении, и они были лишены как провианта, так и средств перевозки. Денег для приобретения того и другого в казначействе этой небольшой армии также не было. Местные провинциальные собрания колоний, на защиту которых была прислана эта армия, смотрели апатично на ее затруднительное положение и не ассигновывали ни копейки на снабжение ее тем, в чем она нуждалась. Тут сказалась уже назревавшая тогда вражда между колониями и метрополией. Франклин понимал, что теперь, когда каждую минуту можно было ожидать вторжения неприятеля, нужно отложить в сторону все счеты и действовать всем совместно. Он решился единолично вывести английскую армию из затруднительного положения и доставить ей продовольствие и средства передвижения. С этой целью он с командиром английской армии заключил соглашение, по которому обязывался расходовать собственные средства на наем повозок и лошадей и на приобретение продовольствия для армии, а затем эти расходы должны быть возмещены из английского государственного казначейства. Войдя в такое соглашение, Франклин обратился с воззванием к жителям колоний, приглашая их поставлять для армии продовольствие, повозки и лошадей и предлагая за все это щедрую плату. Имя Франклина в это время было уже настолько популярно, что его воззвание имело полный успех: со всех сторон к армии стали подвозиться запасы продовольствия и к услугам ее явился целый обоз. За все это Франклин платил из собственного кармана. Армия, обеспеченная продовольствием и средствами перевозки, двинулась наконец против французов, стоявших уже на границе Пенсильвании. Поход этот окончился самым позорным образом: англичане были разбиты неприятелем, в несколько раз меньшим по численности, и от небольшой английской армии не осталось и следа. Французы готовились наводнить Новую Англию; индейцы, дружественные французам, вырезали целые поселения в Пенсильвании. Колонии были охвачены ужасом. Все растерялись и не знали что делать. Один Франклин сохранил спокойствие и

энергично принялся за организацию обороны. Лично он потерял слишком мало от неудачи англичан: генерал, командовавший последними, погиб, не успев утвердить своей подписью счета Франклина, и последний не получил ни копейки из того, что израсходовал на английскую армию. Но потеря большей половины состояния не лишила Франклина энергии, и он весь отдался заботам о защите родины. И вот неожиданно мы видим его в роли военного командира в самом опасном пункте. С места поражения англичан Франклин явился в Пенсильванию, немедленно созвал провинциальное собрание и выдвинул ряд мер для защиты от неприятеля. Он предложил собранию вотировать организацию милиции, в которую должны были поступать все молодые люди известного возраста. Собрание приняло это предложение, и милиция стараниями Франклина была организована. В основу ее легли те кадры добровольцев, которые, как сказано выше, были организованы Франклином еще раньше, а в свою очередь эта милиция послужила основою той национальной армии североамериканцев, которая впоследствии отстояла независимость Соединенных Штатов. Далее Франклин предложил устроить на границе ряд фортов, которые могли бы воспрепятствовать или, по крайней мере, задержать нашествие неприятелей, – и это предложение также было принято. Вместе с тем собрание сосредоточило в руках Франклина распоряжение всеми операциями по обороне, назначив его комиссаром работ и производителем расходов по защите Пенсильвании. Франклин не удовольствовался занятием этой должности, а, желая подействовать на молодую милицию личным примером, взял на себя командование первым сформированным отрядом милиционеров и двинулся во главе его на границу. Здесь он усиленно работал со своим отрядом, выстроил ряд фортов и только тогда передал командование профессиональному военному и вернулся в Филадельфию. В Филадельфии Франклина ожидал сюрприз: полк милиционеров, состоявший преимущественно из филадельфийцев, избрал его своим полковником – и он принял это избрание. Желая еще более обеспечить оборону Пенсильвании, Франклин отправился в Виргинию, которой не угрожало никакое нападение, чтобы просить у виргинцев присылки подкреплений, в чем и преуспел. Когда он снова вернулся в Филадельфию, его военная слава была уже настолько велика, что губернатор Пенсильвании предложил ему командование свежими войсками, присланными из Англии и предназначавшимися для новой экспедиции против французов. Само собою разумеется, что Франклин это предложение отклонил.

Когда война окончилась, Франклин снова вернулся к исполнению обязанностей представителя своего города в провинциальном собрании. Этот период его общественной деятельности ознаменовался усиленной оппозицией губернатору Пенсильвании, которая выработала во Франклине качества блестящего представителя оппозиции, так пригодившиеся ему впоследствии при защите дела американских колоний в Англии. Поводом к этой оппозиции явились все прежние притязания семьи Пеннов, потомков основателя Пенсильвании. Привилегии и преимущества, которыми пользовалась эта семья, такие, как право назначать разных должностных лиц, не исключая и губернатора Пенсильвании, освобождение громадных поместий этой фамилии от всяких налогов, разные поборы, присвоенные Пеннами, и т.д., давно возбуждали неудовольствие населения, а теперь оно энергически стало стремиться к уничтожению этих преимуществ. Между тем губернатор Пенсильвании, назначаемый теми же Пеннами, не только налагал veto на все решения провинциального собрания, имевшие целью ограничение привилегий Пеннов, но еще всячески домогался их расширения. Вот здесь-то Франклин и оказывал губернатору Пенсильвании самую решительную оппозицию, объединив вокруг себя большинство членов собрания. Губернатор пытался даже подкупить Франклина, обещая ему, что Пенны, в случае если он “примирит их с населением”, осыпят его своими милостями. На это Франклин скромно отвечал, что он благодаря своей привычке к труду и скромности своей жизни не нуждается в милости больших господ, и продолжал отстаивать права населения против притязаний Пеннов.

Эта деятельность Франклина навела пенсильванцев на мысль, что никто не сумеет так хорошо отстаивать права колоний в Лондоне, как Франклин, и они решили послать его туда уполномоченным агентом Пенсильвании. В это время отношения между провинциальным собранием Пенсильвании и губернатором дошли до крайней обостренности: губернатор стал систематически уничтожать своим veto все постановления собрания и таким образом фактически совершенно прекращал всякую деятельность его. Собрание решило отправить английскому королю петицию о необходимости отнять у семьи Пеннов право назначать губернаторов Пенсильвании, и для представления и поддержки этой петиции был избран Франклин.

С этого момента начинается новый период деятельности Франклина. С появлением его в Лондоне в качестве уполномоченного агента Пенсильвании, а затем и нескольких других колоний Новой Англии, Франклин перестает быть только

американским деятелем и выступает на сцену всемирной истории. Отныне его деятельность получает значение не только для североамериканских колоний Англии, но также и для Европы.

Прежде чем перейти к этому новому периоду жизни и деятельности Франклина, мы остановимся еще на одной стороне его жизни, на его краткой, но в высшей степени плодотворной научной деятельности, которой он отдался было незадолго перед отъездом в Лондон в качестве агента Пенсильвании.

Глава V. Франклин – ученый

Склонность Франклина к научным занятиям. – Его изобретательность. Печка Франклина. – Доктор искусств. – Физический кабинет д-ра Спанса. – Занятия Франклина электричеством. – Первоначальная судьба его открытий. – Признание научных заслуг Франклина. – Сущность его открытий: теория одной электрической жидкости; признание тождества электрических явлений с явлениями молнии и грома; изобретение громоотвода

Еще с детских лет Франклин обнаруживал любовь к точным наукам. Жизнь, так долго заставлявшая его работать для приобретения насущного пропитания, мешала проявиться этой любви в систематических научных занятиях. Когда борьба с нуждою была покончена и Франклин завоевал себе вполне обеспеченное положение, общественная деятельность до такой степени захватила Франклина, что он совсем не имел времени для научных занятий. Тем не менее, он не упускал ни одного случая и пользовался всякой свободной минутой для расширения своих познаний в данной области и занятия самостоятельными работами. Последние первоначально носили исключительно утилитарный характер. Дух изобретательности обнаружился во Франклине очень рано. Еще совсем мальчиком в типографии брата он усовершенствовал печатные станки. Позднее он сделал целый ряд улучшений в типографском деле. Склонность к изобретательству проявлялась и во многих других случаях. Во время своего первого пребывания в Лондоне он обратил внимание на недостаточную яркость света уличных фонарей и усовершенствовал используемые в них лампы. Но главным изобретением Франклина в этом роде явились знаменитые печки Франклина, которые долго были в ходу в Америке, пока их не вытеснили унтермарковские печи, и которые уменьшили трату топлива вдвое сравнительно с ранее употреблявшимися в Америке печами. За эту изобретенную Франклином печь коллегии в Кембридже (близ Бостона) и в Яле (в колонии Конектикут) – присвоили ему степень доктора искусств.

Занятия Франклина электричеством начались совершенно случайно, что не помешало ему заявить себя в этой области таким же выдающимся человеком, как и во всем, за что он ни брался. Поводом к этим занятиям послужило следующее обстоятельство.

В 1746 году Франклин, в бытность в Бостоне, встретил там некоего д-ра Спанса, который показывал публике “чудеса

физического кабинета". "Кабинет" этот состоял из крайне плохих инструментов, а сам Спанс был неумелым экспериментатором. Тем не менее, Франклин был крайне поражен и заинтересован не особенно удачными опытами Спанса над электричеством. Когда он вернулся затем в Филадельфию, основанная им публичная библиотека получила в подарок от своего лондонского комиссионера электрическую машину, доставлявшую электричество путем трения стеклянного круга о кожаные подушки. Франклин воспользовался случаем повторить виденные им в Бостоне опыты, и они вышли крайне удачными. По просьбе друзей, видевших эти опыты, Франклин несколько раз повторил свои опыты публично в помещении библиотеки. Филадельфийское общество было так заинтересовано опытами над электричеством, что из Лондона было выписано в Филадельфию несколько электрических машин, и опыты над ними сделались неизбежной принадлежностью салонных вечеров. Но в то время, как другие увидели в новом предмете лишь забаву и средство развлечения, Франклин отдался изучению тогда еще совершенно неисследованной силы электричества, и открытия его в этой области составили целую эпоху в истории физики. В настоящее время, когда физические знания сильно пошли вперед и учение об электричестве распадалось более чем на десяток специальных наук, значение открытий Франклина побледнело: трудно видеть что-либо великое в открытии того, что теперь известно каждому школьнику. Но для того, кто способен стать на историческую точку зрения, кто знает, до какой степени общество первой половины XVIII столетия было невежественно в физических вопросах, кто вспомнит, что обширная область электрических явлений в то время была почти еще неведома, тот поймет, что открытия, сделанные Франклином, являются действительно гениальными.

Свои наблюдения и вызванные ими соображения Франклин изложил в особой брошюре, экземпляры которой послал и нескольким своим друзьям в Лондоне. Один из них, член королевского ученого общества, представил последнему доклад об открытиях Франклина; доклад этот был оставлен учеными членами общества без всякого внимания. Гордые жрецы науки не могли и мысли допустить, чтобы где-то в глухой колонии, самое название которой не всем им было даже известно, могли быть сделаны открытия первой важности, да еще человеком, не имеющим ни одного ученого диплома. Таким образом, открытия Франклина оставались в течение нескольких лет совершенно неизвестными английским научным сферам. Между тем брошюра Франклина случайно попала в руки одному французскому

физику, который, повторив опыты Франклина, убедился в их верности, перевел брошюру на французский язык и снабдил ее предисловием, в котором отзывался об открытиях Франклина в самых восторженных выражениях. Только тогда в английском королевском обществе вспомнили о лежащем под сукном докладе, посвященном открытиям Франклина, достали его, выслушали на торжественном заседании и убедились, что открытие Франклина действительно имеет первостепенное значение. Вскоре затем брошюра Франклина была переведена на итальянский, немецкий и латинский языки, и о ней заговорила вся ученая Европа. Это наконец побудило патентованных английских ученых познакомиться с подлинным трудом Франклина; они поняли, что товарищество такого "неспециалиста", как Франклин, может сделать им только честь, и поспешили избрать его членом королевского общества, принеся при этом весьма существенную с их точки зрения жертву. Дело в том, что по издавна установившемуся обычаю, лица, которым королевское общество предполагало сделать честь избранием в свои члены, должны были обращаться в общество с просьбою по этому предмету; Франклин, которому намекнули о необходимости последовать такому совету, категорически отказался унизиться до просьбы перед обществом, которое несколько лет не могло собраться ознакомиться с его работами, и тогда члены королевского общества выбрали Франклина в свои сотоварищи, вопреки обычаю, без просьбы с его стороны и присудили ему за его открытия золотую медаль Коплея, которая до сих пор считается высшей наградою, даваемою английским ученым миром за выдающиеся научные труды.

В чем же состояли открытия Франклина в области электрических явлений?

Наиболее известным открытием Франклина является установление тождества между явлениями, наблюдаемыми при опытах с электрической машиной, и явлениями грозы – молнией и громом, иначе говоря, объяснение явлений грозы электричеством. Впервые мысль о тождестве электрических явлений и грозы была высказана Франклином еще в 1747 году, но наглядно доказал он ее в 1752 году своим знаменитым опытом со змеем. Опыт этот представлял значительную опасность и, как известно, позднее, будучи повторяем в несколько измененном виде, послужил причиною смерти нескольких ученых. Во время сильной грозы Франклин пустил змея, снабженного металлическим острием, от которого шла тонкая металлическая нить, ввитая в бечевку, на которой держался змей; нить эта на земле соединялась с металлическим шаром. Франклин

предполагал, что если гроза есть электрическое явление, то металлическое острие змея привлечет к себе атмосферное электричество подобно тому, как такие же острия привлекают электричество электрической машины, будучи помещаемы вблизи последней; затем электричество, сосредоточенное на острие, потечет по металлической нити, представляющей хороший проводник электричества, и сосредоточится в металлическом шаре, который должен играть роль конденсатора (сгустителя электричества). Если все это окажется так, как предположено, то, думал Франклин, имея в руках металлическую заостренную палку и приближая ее к шару, можно будет извлекать из последнего электрические искры подобно тому, как они извлекаются таким же путем из заряженной электрической машины. Опыт вполне оправдал теоретические предположения Франклина: установив свой аппарат во время грозы, как сказано, Франклин в присутствии многочисленной публики извлекал из металлического шара искры в аршин и более длиною и таким образом наглядно показал тождество молнии и грома с искрою и треском, даваемыми электрической машиной.

Как практический ум, Франклин немедленно же применил свое открытие к нуждам жизни. Именно, узнавши сущность силы, производящей явление грозы, и найдя средство привлекать грозовое электричество к известной точке, Франклин задался мыслью найти средство предупреждать гибельные последствия удара молнии в высокие здания и изобрел всем известные громоотводы, которые затем быстро распространились повсюду и сделались необходимой принадлежностью для каждого высокого здания. Как известно, идея громоотвода, как и все гениальное, в высшей степени проста: над зданием возвышается металлический шест, оканчивающийся острием и соединенный металлическим проводником с землею. Грозовое электричество привлекается острием шеста и затем по шесту и проводнику проходит в землю, оставляя здание нетронутым. Это в сущности крайне немудрое приспособление принесло величайшие выгоды человечеству, обеспечив навсегда высокие здания от грозовых ударов, от которых до изобретения громоотводов они страдали весьма нередко, подвергаясь иногда совершенному разрушению.

Еще более важной заслугою Франклина в научном отношении является его гипотеза о сущности электрических явлений. В этом отношении Франклин настолько опередил свое время, что понадобилось почти полтора столетия, чтобы мысли его об этом предмете получили должную оценку. Гениальность Франклина, проявившаяся в настоящем случае, тем более изумительна, что он при создании этой гипотезы имел в своем распоряжении лишь то

незначительное количество фактических данных из области электричества, какое было собрано наукою к середине XVIII века. Франклин, исходя из явлений электрического притяжения и отталкивания, предложил гипотезу одной невесомой и чрезвычайно тонкой жидкости, отталкивающей свои собственные частицы и притягивающей частицы материи. По учению Франклина, все тела обладают определенным количеством этой жидкости, находящейся в скрытом виде (подобно скрытой теплоте), которое и обусловливает их *среднее состояние;* но как только это количество увеличивается или уменьшается, тела наэлектризовываются *положительно* или *отрицательно.* Таким образом, два рода электрических явлений, заставлявшие предполагать существование двух родов электричества ("стеклянное" и "смоляное" электричества учебников), по теории Франклина, являются результатом излишка или недостатка единственной электрической жидкости.

Гипотеза Франклина не получила в свое время господства в науке, будучи вытеснена гипотезою Дюфея и Симмера, в силу которой признавалось существование двух чрезвычайно тонких жидкостей, находящихся вместе и в разных количествах во всех телах, где они взаимно нейтрализуются, образуя так называемую *среднюю,* или *нейтральную жидкость.* Эта последняя сама по себе не обладает никакими особенными свойствами, и содержащие ее тела находятся в *среднем,* или *нейтральном состоянии;* но если, посредством трения, химических действий или каких-либо других причин, средняя жидкость будет разложена, то обе входящие в состав ее элементарные жидкости отделятся друг от друга и тотчас же обнаружат электрические явления.

Теория, основанная на этой гипотезе, долго была господствующей главным образом благодаря тому, что она очень удобна для школьных догматиков, так как не требует особенного умения при преподавании соответствующего раздела физики. Однако накопление фактических данных и прогресс научной мысли привели к тому, что в настоящее время снова возвратились к гипотезе Франклина об одной электрической жидкости, с той разницей, что Франклин принимал за причину электричества особую, специфическую жидкость, между тем как новейшая физика считает причиною электрических явлений ту же жидкость (эфир), которая производит теплоту и свет. По новой теории эфир, сгущаясь на поверхности тел, дает начало положительному электричеству и обратно, при своем разрежении – отрицательному. Когда же эфир находится в нормальном или нейтральном состоянии на данной поверхности – тело сохраняет так называемое среднее, или безразличное состояние. Как видим,

это – буквальное повторение гипотезы Франклина.

Кроме занятий по электричеству, Франклин занимался еще метеорологией, теорией кораблестроения, вопросом об уменьшении волн посредством масла (работы Франклина в этой области были совершенно забыты, и добытые им данные в наше время открывают заново), теорией искусства плавания, теорией духовой музыки и т.д. Все эти работы носили практический характер.

Чтобы покончить с характеристикой Франклина как ученого, приведем здесь отзыв о его научных работах знаменитого Гумфри Деви:

> “Все свои исследования (об электричестве) он вел, руководясь свойственной исключительно ему счастливой индукцией, и он сумел, более чем кто-либо другой, с самыми малыми средствами достигнуть самых великих целей. Речь его и способ сообщения его открытий так же удивительны, как и самое содержание этих открытий. Он старался устранить все темное и таинственное, чем окружен был доселе этот предмет. Он писал так, что был понятен как для ученого, так и для простого любителя физики, и даже тогда, когда он пускался в подробности своего предмета, он был столь же прост, сколь и приятен. В его устах наука являлась в удивительно прекрасной одежде, лучше которой и нельзя было придумать для того, чтобы выставить ее природную привлекательность. Никогда он не позволял себе соблазняться тем ложным достоинством, которое старается держать науку далеко от применений ее в обыденной жизни; напротив, он всегда старался сделать ее полезной сожительницей наших домов, верной спутницей всех и всякого состояния людей, а не выставлять ее, как делают многие другие, только как предмет удивления в храмах науки и дворцах богачей”.

Глава VI. Франклин на мировой сцене (До объявления независимости Соединенных Штатов)

Франклин в Лондоне. – Отношение Англии к американским колониям. – Положение Франклина в Лондоне. – Объяснения в парламенте в 1766 году. – Памфлеты Франклина "Письма помещика к британским колонистам", сатира "О прусском владычестве над Англией" и руководство "Как из великой империи сделать малую". – Чайные пошлины и вызванные ими волнения в американских колониях. – Подстрекательство Франклина из Лондона. – Письма Гутчинсона. – Допрос Франклина в тайном совете. – Мысль Франклина оконгрессе. – Передача прошений конгресса и союз Франклина с Чатамом. – Декларация о независимости американских колоний

Франклин прибыл в Лондон в тяжелое время, когда от представителя колоний требовалось много ума и такта, чтобы с честью выполнять свое назначение. Отношения Англии к колониям в это время были очень обострены. Как мы уже говорили, контингент поселенцев, образовавших население североамериканских колоний, составился преимущественно из представителей крайних, свободомыслящих сект, последователи которых подвергались преследованиям в Англии и стремились в колонии именно в надежде найти там свободу для своего исповедания и жизни согласно своим убеждениям. Такой состав населения колоний неизбежно должен был рано или поздно привести к разрыву колоний с метрополией. С одной стороны, старая, чопорная Англия смотрела с ужасом, в котором было много лицемерия, на свободные учреждения и своеобразный уклад жизни, создававшиеся в Америке, а с другой – свободолюбивые колонисты были всего менее склонны выносить притеснения разных отбросов английского общества, являвшихся в колонии для занятия должностей, или "владельцев" вроде фамилии Пеннов, стремившихся обратить колонии в свои частные поместья. Жалобы "владельцев" и отбросов аристократических фамилий, которым колонисты не позволяли распоряжаться в колониях так, как им хотелось, подливали масла в огонь и усиливали натянутость между колониями и метрополией, где в то время еще всецело господствовала аристократия, а народ, которому не было резона ссориться с

колониями, не имел никакого влияния на дела. При таком положении вещей достаточно было малейшего повода, чтобы отношения между колониями и метрополией перешли в явную вражду, и за этим поводом дело, конечно, не стало.

При таком положении вещей быть представителем колоний в Лондоне было нелегко. Положение Франклина ухудшалось благодаря тому, что в Лондоне на него смотрели – и не без основания, – как на одного из главных виновников развития в колониях духа свободолюбия и независимости. Франклин к тому же не только не думал скрывать своих убеждений, но открыто продолжал работать в прежнем направлении, содействуя развитию в Америке общественной деятельности и призывая американцев отстаивать свои права от чьих бы то ни было покушений. Такое поведение Франклина привлекало к нему симпатии всех лучших людей того времени, но вместе с тем навлекло на него ненависть тогдашнего английского правительства и вообще правящих классов Англии.

В 1765 году английский парламент ввел в американских колониях гербовые пошлины. Американцы были глубоко возмущены этой узурпацией их прав, обеспеченных английской конституцией, в силу которой обложение податями и пошлинами принадлежит самому населению или его представителям. Так как американские колонии не имели представителей в английском парламенте, то колонисты отрицали за последним какое-либо право облагать их налогами, утверждая, что устанавливать таковые имеют право только их собственные провинциальные “колониальные” собрания. Когда, несмотря на представления колоний о незаконности гербовых пошлин, поддержанные голосами сторонников неприкосновенности конституции в самой Англии, английское правительство решило ввести эти пошлины в колонии во что бы то ни стало, колонисты от словесного протеста перешли к фактическому: кипы гербовой бумаги, доставленной из Англии, были сожжены, а лица, принявшие должности продавцов этой бумаги, подверглись насилиям и вынуждены были дать клятвенное обещание отказаться навсегда от этих должностей.

Эти события сильно взволновали Англию. В парламенте более благоразумная часть членов предлагала отказаться от пошлины, находя, что американцы были правы и по букве, и по духу конституции; но большинство заглушало эти благоразумные голоса и требовало введения пошлины насильственным путем. По обыкновению, в парламент были приглашены сведущие люди для выслушивания их мнения. В числе приглашенных был и Франклин, и данные им при этом объяснения составили целую эпоху в американском вопросе. Сведения относительно

положения дел в Америке, которые имели тогда европейцы, не исключая и большинства англичан, были крайне смутны. Большинству английские колонии в Америке представлялись собранием ничтожных и крайне редких поселений, которые не могут иметь никакого политического значения. Из объяснений Франклина Европа, в том числе и Англия, впервые узнала, что по ту сторону Атлантического океана образовалось уже сильное политическое тело, которое отнюдь не желает находиться под управлением чиновников английского министерства, а хочет жить по своей воле и своему разуму и способно добиться осуществления своего желания и постоять за свои права. Франклин мастерски нарисовал картину экономического и культурного роста американских колоний и раскрыл перед удивленными правителями Англии дотоле совершенно неведомый им новый мир. В заключение Франклин гордо заявил, что колонии никогда не согласятся подчиниться попыткам облагать их налогами против их воли и вообще попыткам лишить колонистов прав, обеспеченных за английскими гражданами британской конституцией, и не остановятся ни перед чем для защиты своих прав.

Эти объяснения Франклина, привлекшие интерес и симпатии всех передовых умов Европы и Англии к защитнику прав колоний и к представляемым им колониям, в то же время вызвали взрыв негодования среди английских олигархов как против Франклина, так и против американских колоний. Франклин с этого времени стал предметом преследований со стороны английского правительства. Он был лишен должности генерал-почтмейстера Америки, несмотря на то, что поставил почтовое дело на такую высоту, на которой оно тогда не стояло и в Англии. Литературная деятельность Франклина была стеснена, и он был вынужден не выставлять своего имени на своих брошюрах, так как каждая из них подвергалась судебному преследованию. Личная безопасность Франклина постоянно была под угрозой, и если он не был арестован за все долгое пребывание в Англии, то лишь потому, что английское правительство боялось принять эту меру ввиду громадной популярности, которую Франклин быстро приобрел в массе лондонского населения. Несмотря на все это, Франклин не оставлял ни на минуту своей работы, имевшей целью воспитать в американцах общественное самосознание и поддерживать их решимость противиться попыткам английского правительства присвоить себе право произвольного обложения колоний налогами, – попыткам, которые в той или другой форме продолжали повторяться после неудачи с гербовою пошлиною, пока не привели к открытой борьбе между метрополией и

колониями.

В это время Франклин выпустил ряд политических памфлетов, имевших громадное влияние на американцев и производивших сильное впечатление и в Англии. Едкость этих сатир еще усиливалась благодаря неподражаемому добродушному юмору автора. Памфлеты Франклина – произведения совсем особого рода, не имевшие аналогий в политической литературе. Это не были горькие, жгучие “Письма Юния”, появлявшиеся в английских журналах этого времени. Не были похожи они и на полные беспощадного анализа, смешанного с особого рода мистицизмом, произведения Пэна, производившие тогда такое сильное впечатление. Наконец Франклин писал совсем в ином роде, нежели писали тогдашние политические писатели из школы энциклопедистов. Читатели памфлетов Франклина словно видели перед собой его добродушное, спокойное лицо и слышали его спокойный, ровный голос, – и тем сильнее было впечатление от его горьких насмешек, от иронических и диких планов, которые он приписывал министрам английского короля, от умелого выяснения всей возмутительности мер, которые принимались этими министрами по отношению к Америке.

В числе памфлетов, выпущенных Франклином в период предварительной работы, приведшей к объявлению независимости американских колоний, особенно сильное влияние имели “Письма помещика к обитателям британских колоний”, сатира о прусском владычестве над Англией и памфлет, озаглавленный “Как из великой империи сделать малую”.

“Письма помещика к обитателям британских колоний” принадлежат, собственно, не Франклину, а некоему Джону Дикинсону; но они получили значение и обратили на себя внимание лишь после того, как были перепечатаны с обширным предисловием Франклина, в котором он доводит до сведения англичан, что мнения, выраженные в письмах, суть мнения всего американского населения. По-видимому, и к тексту “Писем” Франклин приложил свою руку, так как изложение их слишком напоминает манеру самого Франклина. В “Письмах” спокойно и доступно пониманию каждого выяснены законные отношения метрополии к колониям и значение вопроса о пошлинах, при помощи которых метрополия желает подчинить себе колонии. “Тут дело идет не о большей или меньшей сумме налогов, а о принципе; тут дело идет о свободе. Свободные народы должны неутомимо и с ревнивою бдительностью охранять свою свободу”. Полные таких мыслей “Письма” получили самое широкое распространение во всех классах американского общества и

имели сильное влияние на общественное настроение.

Сатира “О прусском владычестве над Англией” принадлежит уже всецело Франклину. Она явилась ответом на меры английского правительства, имевшие целью остановить рост обрабатывающей промышленности в Америке, чтобы колонии вынуждены были покупать все мануфактурные товары английского производства. Сатира представляет собой указ прусского короля, который, основываясь на том, что англосаксы некогда выселились из Германии, считает Англию немецким владением и воспрещает англичанам заводить фабрики и заводы для переработки шерсти и железных руд, милостиво разрешая им вывозить эти продукты в сыром виде в Пруссию и покупать обязательно в последней все шерстяные и железные товары. Эта сатира с такою наглядностью изображала всю нелепость притязаний метрополии на то, чтобы искусственными мерами влиять на ход экономических дел в колониях, с целью поставить колонии в положение какого-то илота[1] по отношению к метрополии, что это произведение Франклина читалось нарасхват не только в колониях, но и в самой Англии и содействовало образованию в Англии партии, сочувствовавшей колониям и восставшей против репрессивных мер, которые тогда готовились по отношению к колониям.

Еще более остроумен памфлет “Как сделать большую империю маленькой”. Памфлет этот, как говорит Франклин, написан им с той целью, чтобы облегчить английским министрам превращение великой Англии в ничтожное государство – задачу, которою они усиленно занимаются. Франклин рекомендует английским министрам руководствоваться следующими правилами: “Большое государство, как и пирог, легче всего сломить с конца. Чтобы сделать это с наименьшим трудом, нужно особенно старательно заботиться о том, чтобы внешние владения никогда не сливались с метрополией. Они не должны пользоваться одинаковыми правами и привилегиями и должны управляться более строгими, без их содействия созданными законами. С помощью такого разумного разъединения можно поступать так, как поступают те предусмотрительные пекари, которые в середине теста оставляют пустое место для того, чтобы легче было переломить печенье”. Вслед за тем Франклин пересчитывает все неблаговидные средства, которые Англия употребляет против своих колоний, и доказывает, что этот путь неизбежно ведет к разрыву между метрополией и колониями.

Эти памфлеты, действуя отрезвляюще на более благоразумную часть английского общества и усиливая популярность Франклина в массе английского народа, в то же

время крайне раздражали английскую аристократию и тогдашнее министерство. Вместо того, чтобы остановиться в своих несправедливых действиях по отношению к колониям и обратить внимание на законные и основательные жалобы последних, министерство заботилось только о том, чтобы тем или иным путем заставить колонии платить пошлины в пользу метрополии. Потерпев неудачу с гербовыми пошлинами и другими налогами, взимание которых должно было производиться в самой Америке, министерство остановилось на мысли заставить американцев платить налог, который мог быть взимаем в Англии. Для этой цели являлось очень удобным обложение налогом ввозимого в Америку чая. В то время чайная торговля составляла монополию Ост-Индской компании. Чай, поступавший в американские колонии, проходил неизбежно через лондонские склады компании, и никаким иным путем в Америку не могло попасть ни фунта чая. Облагая особым сбором чай, вывозимый в Америку, и заставляя таким образом американцев платить за него дороже, министерство надеялось заставить их платить косвенно налог, от прямой уплаты которого те упорно отказывались.

Эта хитрая мера была встречена американцами с негодованием, так как истинный смысл ее был слишком ясен. По всей английской Америке стали образовываться общества воздержания от употребления чая. Чайная торговля упала; в складах Ост-Индской компании накопились десятки миллионов фунтов чая, который никто не хотел брать. Новые грузы чая, обложенного пошлиною, американцы не позволяли выгружать в своих гаванях, а в Бостоне, где чай был выгружен с кораблей под прикрытием военной силы, граждане, переодевшиеся индейцами, побросали выгруженный чай в море.

Отношения между колониями и метрополией, таким образом, обострялись. Министерство думало запугать американцев репрессивными мерами. Провинциальные собрания колоний были распущены: многие выдающиеся деятели колоний были арестованы, и их намеревались везти в Англию для суда, так как были уверены, что американские присяжные их оправдают; готовились войска “для водворения порядка” в колониях.

Положение Франклина в Лондоне было в высшей степени опасно, и английские друзья советовали ему вернуться в Америку. Но он решил оставаться до конца на своем посту. Он еще надеялся, что государственные люди Англии образумятся и не доведут дело до полного разрыва с колониями. Франклин усиленно работал в этом направлении в Англии. Но вместе с тем он не желал, чтобы его американские сограждане уступили в деле, которое он считал правым, и в своих письмах американским

друзьям настойчиво убеждал их стоять твердо в своих требованиях и не останавливаться, пока английское правительство не откажется от ненавистных пошлин.

Чем дальше шло время, тем мрачнее становилось положение дел. В 1770 году в Бостоне произошло столкновение между гражданами и английскими солдатами, в котором были убиты трое и ранены пятеро безоружных граждан. Эта так называемая “бостонская резня” произвела крайне возбуждающее впечатление на все американские колонии, доведя ненависть к английскому режиму до предела. В то же время в донесениях местного губернатора лондонскому кабинету происшествие это было совершенно извращено, и виновниками его выставлялись сами бостонцы, а поведение солдат, стрелявших в безоружных граждан, изображалось чуть ли не как геройство. Вообще, лживые донесения губернаторов колоний, вводя в заблуждение министерство, укрепляли последнее в его несправедливом отношении к колониям. Ввиду этого Франклин решил разоблачить лживость губернаторских донесении. Случай доставил в его распоряжение донесения одного из губернаторов, Гутчинсона, и он напечатал их с комментариями, в которых выяснил всю недобросовестность властей, назначаемых в колонии. Эта брошюра вызвала как в Америке, так и в Англии сильнейший взрыв негодования, направленный против министерства и его агентов. Министерство намеревалось арестовать Франклина, но снова побоялось его популярности среди лондонцев. Тогда решено было привлечь его к ответственности формальным путем, и он был вызван к допросу в так называемом “тайном совете”. Вместе с ним были призваны к допросу и два других представителя колоний, бывшие в Лондоне. “Тайный совет” состоял из высших пэров королевства, и в нем, собственно, предполагалось на этот раз совещание относительно американских дел; на самом же деле совет был обращен в своего рода судебный трибунал, ответчиком перед которым являлся Франклин. Заранее было известно, что последний будет подвергнут в совете самому оскорбительному обращению, и на это зрелище унижения передового бойца за свободу Америки явилась вся английская аристократия.

Результат допроса Франклина оказался, однако, совсем иным, нежели ожидали министерство и его сторонники. Франклин был подвергнут всевозможным оскорблениям, которые только могла придумать ярость его противников. Его старались всячески очернить, выставить человеком, способным на все низкое. Поступок с донесениями Гутчинсона старались приравнять к краже и оглашению чужих писем. Вот отрывок из

речи государственного прокурора Веддеборна, направленной против Франклина: “Эти письма (донесения) могли попасть в руки Франклина только посредством воровства. Я надеюсь, милорды, что вы, к чести нашей страны, к чести Европы и всего человечества, заклеймите его по заслугам. До сих пор, даже во времена страшнейшей борьбы партий, частные письма считались священными как в государственных, так и в религиозных делах. Этот человек нарушил священный обычай. Он глубоко упал в мнении всех людей. В какое общество посмеет Франклин обратиться после этого? Каждый честный человек будет остерегаться его. Все гнусности, какие только Юнг в своей драме “Мщение” заставляет совершать негра Цампу, превзойдены холодною, апатичною жестокостью этого гнусного американца”. Франклин выслушивал все подобные оскорбительные тирады с таким благородным спокойствием и презрительно отвечал на них в столь сдержанных выражениях, что даже многие из присутствовавших в совете членов аристократии, ранее не имевшие случая видеть и слышать Франклина, почувствовали глубокое уважение к этому представителю демократической страны. Франклин вышел из “тайного совета” с гордо поднятой головой, сопровождаемый шепотом удивления, и популярность его, служившая щитом его безопасности, сделалась теперь еще большею, нежели была ранее.

Репрессивные меры по отношению к колониям продолжались. Бостон за историю с чаем был наказан тем, что его гавань была закрыта, что должно было совершенно разорить его население. Весь Массачусетс был лишен прав, обеспеченных английским подданным конституцией: население лишилось права избирать судей, шерифов и членов колониального совета, назначавшихся теперь наместником; все собрания были запрещены; присяжные избирались по усмотрению шерифов; все действующие против нового порядка вещей подвергались аресту и отправлялись в Англию “в видах достижения беспристрастного суда над ними”. Эти меры усилили и без того господствовавшее во всех колониях раздражение. Повсюду устраивались митинги для выражения негодования министрам и сочувствия бостонцам. Собирались материальные пожертвования для поддержки жителей Бостона, и день закрытия бостонской гавани признан днем всеобщего траура во всех колониях.

В это время Франклин в своих письмах к американским друзьям предложил всем колониям выбрать представителей на общий конгресс, который должен был решить, что делать ввиду систематических враждебных действий английского министерства. Идея эта возникла как нельзя более кстати и была

принята американцами с восторгом. Несмотря на противодействие губернаторов, все колонии самым правильным образом выбрали представителей в общий конгресс, и последний собрался в Филадельфии в 1774 году.

Этот конгресс составляет эпоху в истории Америки. Сознавая всю важность момента, население колоний забыло все местные и партийные споры и послало в конгресс наиболее выдающихся людей всех колоний. Это был действительно цвет американского населения, – собрание мудрейших и серьезнейших людей страны. Сознавая тяжелую ответственность, падавшую на них в данный момент, они отнеслись к обсуждавшимся ими вопросам с величайшим вниманием. Всем было ясно, что для Америки остается лишь один выход – объявление независимости и отстаивание ее с оружием в руках. Тем не менее, было решено еще раз обратиться к английскому правительству с прошением, в котором излагались все нарушения прав колоний, основанных на английской конституции, и требовалось прекращение этих правонарушений.

Прошение это должен был передать парламенту Франклин. Многие члены парламента, предвидевшие все пагубные последствия пренебрежения справедливыми жалобами американцев, поддерживали это прошение в парламенте. Знаменитый лорд Чатам вошел в самые тесные сношения с Франклином и сообща с ним выработал план устройства отношений между метрополией и колониями, – план, который улаживал интересы обеих сторон. Но когда этот план был предложен парламенту, последний не стал даже рассматривать его, причем ораторы, говорившие по поводу его, ограничились только ругательствами по адресу американцев и в особенности Франклина, присутствовавшего здесь же, в парламенте. “Этот план, – заявил один из ораторов, граф Сэндвич – ни в коем случае не может быть произведением британского пера. Он принадлежит скорее американцу, который находится теперь перед моими глазами, – самому злому и пагубному врагу, какого только имело наше отечество”. Возвратившись с этого заседания парламента, Франклин немедленно послал отчет о нем конгрессу американских колоний, отчет, который прекратит всякие колебания в американцах относительно необходимости отделиться от Англии. В нем Франклин писал между прочим:

> “Когда я увидел, как все эти наследственные законодатели резко восстали против простого рассмотрения такого важного документа, предложенного первым государственным человеком своего времени

(Чатамом); когда я убедился в их полнейшем невежестве касательно одних пунктов, в их пристрастии и предрассудках относительно других, а равно и в намеренном извращении очевидной истины многими министрами; когда я заметил, что они поступали без всякого смысла, не обращая никакого внимания на свой собственный характер и на свое ответственное положение полномочных вершителей национальных судеб, – тогда я получил весьма неутешительное мнение о их способностях. Их притязания на господство над тремя миллионами умных, добродетельных американцев показались мне большой нелепостью. Глядя на них, я думал, что они даже не настолько умны, чтобы управлять стадом свиней. *Наследственные законодатели!* Уж лучше иметь наследственных профессоров математики, как это делается в некоторых немецких университетах; по крайней мере, это не ведет к таким пагубным последствиям. Но нижний *избранный* парламент не лучше верхнего, и не будет лучше до тех пор, пока избиратели будут платить подати, которыми министры подкупают представителей этих избирателей. Признаюсь, меня привело в сильное негодование все виденное и слышанное мною в Англии. Парламентские члены с министерской стороны делали самые неприличные замечания о мужестве, религии, уме и особенно о честности американцев. О нас говорили с величайшим презрением, как о самых низких людях, как о созданиях совсем не той породы, к которой принадлежат англичане Британии. Было очевидно, что они желали только притеснять нас. Все предложения их имели только одну цель – кормить на наш счет более значительное число никуда не годных паразитов”.

Неудивительно, что эти, полные негодования строки, пришедшие в Америку одновременно с известием о новых мерах английского правительства, имевших целью стеснить американскую торговлю, и о запрещении американцам ловить рыбу на берегах Ньюфаундленда, убедили американский конгресс в том, что на мир с метрополией не остается никакой надежды, и конгресс единодушно присоединился к депутату Патрику Генри, который первый заявил:

“Если мы хотим быть свободными, то должны сражаться. Да, клянусь Богом, мы должны и вправе сражаться”.

Борьба началась немедленно – еще до объявления конгрессом

независимости. Борьбу начали английские войска, пытавшиеся обезоружить милицию Массачусетса. Милиция ответила захватом нескольких складов оружия и второстепенных крепостей. Произошли уже кровопролитные сражения между американцами и английскими войсками, а американцы все еще не решались объявить о своем отделении от Англии и пытались покончить дело мирным путем. Ответом на эти попытки явились присылки новых войск. Становилось ясным, что только оружие может решить спор.

Франклин в самом начале борьбы вернулся в Америку. Он немедленно был избран членом конгресса от Пенсильвании и назначен почтмейстером Америки. В этой должности он оказал значительные услуги отечеству, так как правильная почта, организованная им по всей стране, давала возможность получать своевременно известия со всех концов театра начавшейся воины и своевременно посылать распоряжения.

В числе лиц, с которыми Франклин близко сошелся в Англии и которые сочувствовали юному американскому народу в отстаивании своих прав, был известный свободный мыслитель Томас Пейн. Он проникся таким негодованием против английского правительства и таким сочувствием к американцам, что решился переехать вместе с Франклином в Америку и стать в предстоящей борьбе на сторону американцев. Его статьи в американских газетах и в особенности знаменитая книга “Здравый человеческий смысл” прекратили всякое колебание американцев относительно вопроса об объявлении независимости, – объявление это состоялось в 1776 году. В комитет для составления манифеста о независимости был избран конгрессом и Франклин (всего комитет состоял из пяти лиц). Сам манифест был написан Джефферсоном, одним из тех выдающихся американцев, которых выдвинула вперед борьба за независимость, но окончательную редакцию ему дали Франклин и Адамс. Таким образом, на долю Франклина выпала высокая честь принять самое близкое участие в составлении акта, которым начиналось независимое существование Североамериканских Соединенных Штатов. Составленный указанным образом проект манифеста о независимости был затем подвергнут обсуждению в конгрессе. На этом обсуждении Франклин рассказал анекдот, вошедший впоследствии во все детские книжки о Франклине и чуть ли не во все книги для первоначального чтения. Это был один из тех остроумных рассказиков, которые Франклин неподражаемо импровизировал в очень многих случаях жизни и при помощи которых он достигал желательного ему гораздо вернее и скорее, нежели путем продолжительных убеждений.

Дело в том, что проект манифеста встретил в конгрессе целый ряд возражений; почти каждое выражение не нравилось кому-либо из членов конгресса, и взамен его предлагалось несколько других. Прениям не предвиделось конца. Тогда встал молчавший все время Франклин и рассказал анекдот о шляпочнике, пригласившем своих друзей для обсуждения проекта вывески. Первоначально предполагалось нарисовать на вывеске шляпу и написать под нею: “Джон Томсон, шляпочник, делает и продает шляпы за наличные деньги”. Один из друзей заметил, что напоминание о том, что шляпы продаются “за наличные деньги”, будет оскорбительно для покупателей, и эти слова были выброшены. Другой нашел излишним слово “продает”, так как само собою понятно, что шляпочник продает шляпы, а не раздает их даром. Третьему показалось, что слова “шляпочник” и “делает шляпы” представляют собою ненужную тавтологию, почему последние два слова были выброшены. Четвертый предложил выбросить и слово “шляпочник”, так как уже нарисованная шляпа ясно говорит, что такое Джон Томсон. Наконец пятый уверял, что для заказчиков и покупателей совершенно безразлично, будет ли шляпочник называться Джоном Томсоном или иначе, а потому предлагал выбросить и это имя. Таким образом, в конце концов на вывеске не осталось ничего, кроме шляпы. Анекдот этот произвел самое желательное впечатление на конгресс: вся страстность при обсуждении манифеста исчезла, и он был быстро редактирован окончательно, причем остался почти в том виде, в каком вышел из комитета.

Глава VII. Франклин на мировой сцене (После объявления независимости)

Продолжение борьбы с англичанами и неудачи. – Франклин – член отделения конгресса по иностранным делам. – Он рекомендует Костюшко. – Франклин в Париже и союз с Францией. – Перипетии войны. – Конституционная работа. – План конфедерации и рассказ об Ионе. – Франклин и конституции штатов. – Франклин ведет переговоры о мире и заключает его

Манифест о независимости английских колоний, назвавшихся впоследствии Соединенными Штатами, произвел взрыв ярости в правящих классах Англии. В Америку были посланы многочисленные войска, которые должны были "огнем и мечом" привести к покорности мятежников колонии. Молодые дружины американцев, набранные из волонтеров, из которых большинство ранее не держало оружия в руках, храбро встретили это нашествие и сначала имели ряд немаловажных успехов. Однако скоро дисциплинированное войско англичан стало брать верх над нестройными полками американских добровольцев. Позднее боевая опытность выработала из этих волонтеров доблестные войска, которые с честью отстояли независимость своей родины и принудили англичан заключить мир на основе признания этой независимости. Но теперь этой опытности у них еще не было, и англичане брали город за городом. Многими американцами уже овладело отчаяние, и дело американской независимости легко могло бы погибнуть, если бы на помощь американцам не явился сильный союзник. Этим союзником была Франция, привлечением которой на свою сторону американцы были всецело обязаны Франклину.

При конгрессе было образовано особое "отделение для иностранных дел", состоявшее из пяти членов, в числе которых состоял и Франклин. Отделение это было основано с целью содействовать привлечению союзников для американцев. Оно завело ряд агентов в Европе и старалось вызвать Францию, Испанию и Пруссию, как врагов Англии, на вооруженную помощь Америке. Вместе с этим отделение приобретало здесь через своих агентов оружие и военные припасы для американской армии и, пользуясь общим сочувствием европейских народов к делу американцев, вербовало добровольцев среди людей, опытных в

военном деле. В числе первых волонтеров в Америку явились знаменитые Лафайет и Костюшко. Первый привел на помощь американцам целый корпус, снаряженный на его личные средства, и вообще играл видную роль в войне за независимость Соединенных Штатов. Костюшко был совершенно неизвестен в Америке, но Франклин, познакомившийся с ним в Лондоне, оценил его достоинства и усиленно рекомендовал его главнокомандующему американскими войсками, Вашингтону; и действительно, Костюшко, назначенный главным инженером северной армии американцев, не раз оказывал важные услуги. Кроме помощи волонтеров, Европа, и собственно Франция, оказывала американцам и материальную помощь – оружием и боевыми припасами. Французское правительство, не желая открыто выступать против Англии, воспользовалось услугами знаменитого Бомарше, автора “Фигаро”, который основал кампанию будто бы для торговли с Америкою, а в действительности для снабжения ее военными средствами, затратив на это дело, помимо значительных сумм, ассигнованных для этой цели французским правительством, и все свое личное огромное состояние.

Всего этого было, однако, слишком мало. Для того чтобы борьба с англичанами могла вестись с успехом для американцев, им необходим был могущественный союзник. Без этого колонии, имевшие тогда всего три миллиона населения и только что начинавшие приобретать экономическое благосостояние, неизбежно были бы раздавлены сильной и богатой метрополией. Скорее всего американцы могли рассчитывать на союз с Францией. Но последняя не решалась открыто выступить на защиту американцев. Ей не хотелось из-за чужого дела вступать в войну с Англией; к тому же французский король не желал сделаться союзником восставших против своего монарха; наконец в Париже сомневались, чтобы американские колонии, внутренний строй которых был столь различен (северные колонии, или Новая Англия, стояли за равенство и свободу, южные – были аристократическими и рабовладельческими), были в состоянии образовать одно сильное государство, союз с которым мог бы иметь цену.

Чтобы преодолеть все эти препятствия и привлечь Францию к союзу, американцы послали в Париж Франклина. Выбор был как нельзя более удачен. Франклин пользовался уже значительной популярностью во Франции благодаря своим ученым трудам, своим памфлетам и, наконец, своему благородному поведению в Англии в качестве представителя американских колоний. Таким образом, общественное мнение уже заранее было настроено в

пользу посланника нарождающегося государства. Когда же Франклин явился лично и французы впервые увидели в Версале, среди придворных, украшенных напудренными париками, фижмами, шелковыми чулками, щегольскими башмаками и прочими принадлежностями костюма того времени, человека, одетого просто в квакерские сюртук и шляпу; когда там, в центре всевозможных тонкостей всем надоевшего, но тем не менее свято соблюдавшегося этикета, явился человек, который ел, пил, спал, ходил, сидел и вообще делал все не согласно требованию этикета, а так, как находил сам наиболее разумным; когда, наконец, среди тогдашнего легкомысленного высшего французского общества появился человек глубоко серьезный, который все свои помыслы и все свое время отдавал работе для блага своего отечества, – французское общество было охвачено каким-то энтузиазмом по отношению к этому не виданному еще им человеку. Это был представитель нового мира, того мира, который подготовлялся в то время в самой Франции, о чем правящие классы ее и не подозревали. Для них Франклин представлял редкую новинку, на которую они не могли налюбоваться. Вместе с тем, сама личность Франклина производила обаятельное впечатление на всех, с кем он приходил в сношение, и если легкомысленная часть общества увлекалась им потому, что своею простотою и серьезностью он напоминал доблестных мужей классического мира, бывшего тогда в моде, то серьезные люди уважали в нем ум, честность, высокий патриотизм и талант. Наконец никто не сумел бы так, как Франклин, представить французскому правительству всю невыгоду для Франции предоставления американских колоний угрожавшей им печальной участи. Благодаря всему этому, американское дело, и ранее пользовавшееся во Франции симпатиями, теперь, с прибытием во Францию Франклина, сделалось здесь настолько популярным, что французское правительство вынуждено было согласиться с общественным мнением и заключить с американцами через Франклина формальный союз.

С выступлением на сцену французских войск и флота счастье оставило англичан. К тому же и американские волонтеры приобретали навык в военном деле и успели еще до прибытия французов взять в плен целую английскую армию. Война затягивалась, и вместе с тем появлялась уверенность в сохранении независимости колоний.

Как для организации военных сил и обороны, так и вообще для ведения дел, касавшихся всех колоний, необходимо было создать постоянное управление и вообще нужно было организовать хоть на время какой-нибудь порядок управления в

стране. Франклин уже давно предвидел необходимость подобной организации и сразу же после объявления независимости представил вниманию конгресса “Статьи конфедерации и вечного союза колоний”. Проект этот, однако, был оставлен без рассмотрения, так как военные дела, которые шли тогда неудачно, поглощали общее внимание, а скоро и сам Франклин был командирован во Францию. Теперь, когда с заключением союза с Францией положение дел изменилось к лучшему, конгресс решил посвящать каждые два дня в неделю рассмотрению проекта конфедерации.

Среди членов конгресса нашлось немало противников самой идеи конфедерации, предпочитавших совершено независимое существование каждой колонии отдельно. Особенно сильную оппозицию проекту проявляли представители маленьких колоний (штатов), опасавшиеся, что они будут поглощены в конфедерации большими штатами. Франклин и в этом случае добился успеха при помощи остроумного рассказика, показывавшего неосновательность опасений противников конфедерации. “В то время, когда совещались о соединении Шотландии с Англией, – говорил Франклин, – герцог Аргильский сильно сопротивлялся этому и предвещал всевозможные бедствия. Между прочим, его высочество говорил о том, что Шотландия будет поглощена Англией, как Иона был поглощен китом. На деле вышло иначе. Когда лорд Бет достиг правления, он привел с собою столько земляков, что наконец находили, что Иона поглотил кита”. Этот рассказ привел весь конгресс в веселое расположение духа, и статьи проекта конфедерации были приняты единогласно. Так было положено начало союзу Соединенных Штатов.

Вместе с тем велись работы и по устройству управления в отдельных штатах – и Франклин принимал самое деятельное участие в этих работах. Во всех штатах, под влиянием английских традиций, были созданы два законодательных собрания, причем верхняя палата, или сенат, должна была пополняться крупными собственниками. В Пенсильвании же и в Джорджии, где особенно сильно сказывалось влияние Франклина, была образована только одна палата. Главнейшие цели гражданского общества одинаковы как для бедных, так и для богатых, – говорил Франклин. Зачем же отдавать богатым преимущество, зачем уделять им особое положение и предоставлять половину законодательной власти? Уже одно название “верхняя палата” есть унижение для массы народа, представители которого называются “нижней палатой”. Скоро, однако, и в Пенсильвании, и в Джорджии были введены вторые палаты; но здесь они были организованы на демократических началах, так как и члены сената избирались

всеобщим голосованием, как и члены нижней палаты. Такой порядок затем был принят и всеми остальными штатами. Таким образом, благодаря Франклину штаты избавились от господства земельной олигархии.

Между тем военные события шли своим чередом. Счастье теперь было на стороне американцев, которые то вместе с французами, то в отдельности одерживали победу за победой над английскими войсками (большинство которых состояло из запроданных Англии немецкими князьями солдат). Однако английское правительство упорно продолжало войну, несмотря на то, что невозможность подчинения колоний Англии была очевидна всем. Война грозила бесцельно затянуться еще надолго. Франклин решил воспользоваться своими связями в Англии, чтобы оказать давление на английское правительство. В это время обязанности второго министра иностранных дел нес лорд Шельберн, старый знакомый Франклина. Последний написал ему письмо, в котором обстоятельно выяснил всю бесцельность продолжения войны, которая могла только привести к созданию розни между двумя единоплеменными народами, что не в интересах ни того, ни другого народа. Под влиянием этого письма английское правительство завязало с Франклином переговоры, но предлагало такие условия мира, на которые американцы никак не могли согласиться. К счастью, в Англии вскоре произошла перемена министерства, и первым министром был назначен лорд Шельберн. Переговоры пошли успешнее, и в 1783 году Франклин, в числе трех уполномоченных конгресса Соединенных Штатов, подписал мирный договор, которым Англия признавала независимость американских колоний.

Так закончилась многолетняя борьба, которую вели американцы ради достижения независимости и в которой Франклин принимал такое деятельное участие на самых разнообразных поприщах – в качестве законодателя, администратора и дипломата. При заключении договора с Англией Франклину было уже 77 лет, и, следовательно, он имел полное право на то, чтобы посвятить остаток своей жизни отдыху. Но этот неутомимый человек словно не знал усталости и, как сейчас увидим, до последнего дня своей жизни продолжал работать для общего блага.

Глава VIII. Последние годы Франклина

Перевод американских конституций. – Книга Франклина для переселенцев. – Франклин – член Конвента. – Участие Франклина в выработке конституции Соединенных Штатов. – Франклин – противник каперства. – Франклин – основатель противоневольничьего общества. – Смерть Франклина

С прекращением войны за независимость для Соединенных Штатов началась великая работа как по внутреннему устройству страны, так и по установлению внешних отношений к другим нациям. Несмотря на свою глубокую старость, Франклин, при своей энергичной натуре, не мог не принять в этой работе самого деятельного участия.

Он начал с работ, которые должны были ознакомить Европу с новым государством, его устройством и положением. Таких работ он исполнил две: одна предназначалась для правящих классов Европы, а другая – для народов, от которых уже тогда начали прибывать эмигранты в новое государство, каковое движение Франклину хотелось усилить в интересах заселения огромных пустынных пространств Америки и усиления этим путем своего отечества. Первая работа состояла в переводе на французский язык собрания конституций отдельных штатов. Перевод этот был представлен Франклином в Париже в 1783 году каждому из посланников европейских держав при французском дворе в двух экземплярах, причем один экземпляр предназначался для самого посланника, а другой – для его государя. Кроме того, книга была разослана разным выдающимся людям того времени. “Этот подарок, – писал Франклин президенту американского конгресса, – был хорошо принят и привел в изумление многих бывших невысокого мнения об американской цивилизации и решительно не предполагавших в нашей пустыне такой политической мудрости и проницательности. Теперь я имею удовольствие видеть, что наши конституции возбуждают всеобщее и большое удивление”. Таким образом, цель этой работы Франклина была вполне достигнута.

Работа, исполненная Франклином для желающих переселиться в Америку, была совсем иного рода. Она знакомила с естественными условиями Америки, способами устройства в последней переселенцев, путями передвижения в Америку и по Америке до свободных земель. Это была обстоятельная справочная книга, которую такой авторитет, как Вашингтон,

признал лучшей по данному предмету.

Указанные работы были исполнены Франклином в качестве частного лица; но он принимал и деятельное официальное участие в работе устройства Соединенных Штатов. То устройство, которое дано было новому государству во время войны, было выработано слишком поспешно и могло поэтому иметь только временное существование. Необходима была серьезная работа над созданием прочной организации, связующей отдельные штаты, ревниво стоявшие за свою самостоятельность, в одно прочное целое. Для выполнения этой работы было созвано особое Учредительное собрание, носившее название Конвента и выработавшее знаменитую американскую конституцию, обусловившую обращение небольших малонаселенных английских колоний в одно из могущественнейших и крупнейших государств мира. Собрание это соединило в себе цвет американского народа. Здесь были все, кто показал свои выдающиеся способности в военной и государственной жизни, как в общих делах всего союза, так и в жизни отдельных штатов; председателем Конвента стал Вашингтон. Само собою разумеется, что собрание такого рода не могло обойтись без Франклина. По своему обыкновению Франклин в Конвенте старался держаться в тени, но это не мешало ему оказывать серьезное влияние на обсуждение дел членами Конвента. Обыкновенно он спокойно и сосредоточенно выслушивал страстные прения, и затем, когда эти прения заходили слишком далеко, истощались или попадали в безысходный круг, он вставал, говорил свое краткое, но меткое слово и тем успокаивал страсти, обращал внимание на важную сторону вопроса, упущенную из виду предыдущими ораторами, или указывал крайне простое решение вопроса, казавшегося столь запутанным.

Благодаря такой тактике Франклину удалось повлиять на решение многих вопросов в желательном ему смысле. Только в одном важном пункте он потерпел поражение: его предложение об устройстве одной палаты представителей было отвергнуто и было вотировано образование, сверх палаты представителей, еще и сената. Зато, согласно с идеей Франклина, выбор членов в сенат союза, как и в сенаты отдельных штатов, был предоставлен всеобщему голосованию. Но самая главная заслуга Франклина по отношению к конституции состоит в том, что он сделал возможным ее существование. Дело в том, что слишком трудно было согласовать разнообразные и часто противоположные стремления и интересы отдельных штатов. Новый государственный корабль, в самом начале своего плавания, не раз грозил разбиться об эти подводные камни и рассыпаться на части.

Нужно было особое уменье объединить столь разнородные элементы и убедить всех принести частные интересы в жертву общему благу. Эту трудную роль добровольно взял на себя Франклин и блистательно выполнил ее. Сам он далеко не был безусловным поклонником выработанной конституции, но понимал, что она представляет собой “наилучшее решение, какого только можно желать при существующих отношениях”, и потому употребил все усилия для того, чтобы провести ее в конвенции и осуществить в жизни.

“Мое личное убеждение о недостатках нашего труда, – заявил он в Конвенте после окончания дебатов по поводу проекта конституции, – я приношу в жертву общественному благу. Это убеждение родилось внутри этих стен, тут же оно будет и похоронено. Кто распространяет в отечестве противные этому мнения и приобретает для них приверженцев, тот враг всем нашим стараниям, враг нашему благополучию внутри, нашему положению извне. Мы должны стараться распространить мнение о достоинстве конституции и показать, что оно всеми признано. Это очень важно. Сила и действительность всякого правительства зависят большей частью от того, что оно имеет за собою общественное мнение, что граждане имеют доверие к его уму и честности. Наша обязанность – всюду рекомендовать эту конституцию и наблюдать за тем, чтобы она вступила в жизнь со всем достоинством, всею силою и почетом”.

Нельзя не сказать, что такое самопожертвование, состоящее в принесении своих убеждений в жертву общественной пользе, в отказе относиться критически к учреждению в сознании необходимости этого учреждения, представляет собою крайне редкое явление и может быть оценено далеко не многими.

Последние слова в Конвенте принадлежали Франклину, и этими словами он, по своему обыкновению аллегорически, предсказал великую будущность, ожидающую Соединенные Штаты с признанием конституции. Когда последние члены конвенции подписывались под конституцией, Франклин устремил свой взор на солнце, нарисованное на стене позади президентского стула, и сказал собранию: “Живописцы часто находят трудным показать посредством живописи разницу между восходящим и заходящим солнцем. Во время наших заседаний, при перемене моих надежд и опасений, я часто смотрел на это солнце, не имея возможности положительно решить, должно ли это быть восходом или закатом. Теперь, к моему счастью, я убедился: да, это солнце – восходящее солнце”.

Конституция была принята в сентябре 1787 года, за два с половиною года до смерти Франклина. Эти последние дни своей

жизни Франклин посвятил организации борьбы с невольничеством, против которого он восставал с самых ранних лет своей сознательной жизни и которое считал безбожным, позорящим Америку делом. Франклин всегда был на стороне угнетенных и восставал против всякого насилия. Так, он считал войну позорнейшим явлением в жизни человечества и, насколько мог, стремился к тому, чтобы ослабить тяготы войн для народов. Ведя переговоры о мире с Англией, он настаивал на уничтожении каперства, этого странного “права” морского грабежа, а также на отмене других варварских узаконений в так называемом международном праве. По его мысли, если произойдет война между государствами, которые согласились бы на новые начала международного права, то иностранные купцы должны иметь право пробыть во враждующей с их отечеством стране еще девять месяцев, чтобы иметь возможность привести в порядок свои дела, после чего они могут без всякого препятствия выехать из страны и увезти все свое имущество. Мирные занятия земледельцев, ремесленников и рыболовов и во время войны не должны испытывать никакой помехи. Вообще, должны быть приняты все меры к уменьшению многочисленных страданий, приносимых войною. Эти человеколюбивые предложения Франклина были отвергнуты Англией и вообще оказались слишком опередившими свой век; тем не менее, идеи Франклина пошли в обращение и принесли свои плоды, и если до сих пор частные лица жестоко страдают от войны, то, во всяком случае, жизнь и имущество их далеко не в такой мере являются теперь достоянием врага, как это было во времена Франклина.

Что касается рабства, то Франклин в течение своей жизни издал против него несколько книг, положивших основание аболиционистской партии в Америке и в Англии. Чтобы объединить сторонников идеи освобождения негров, Франклин основал первое общество для уничтожения рабства. Деятельность этого общества не прошла бесследно даже при нем. К концу его жизни общество насчитывало уже столько сторонников своих стремлений, что Франклин решился обратиться к конгрессу от имени основанного им общества, председателем которого он оставался до самой смерти, с требованием об уничтожении рабства. “Все люди, – говорилось в петиции противоневольнического общества, – созданы одним и тем же Всевышним; они одинаково составляют предмет его забот; они имеют одинаковые права на свободу и благосостояние. Это – правила, которые совершенно согласуются с политическими догматами всех американцев. Соответственно этому нижеподписавшиеся считают своею обязанностью употребить все

законные средства, чтобы уничтожить рабство и каждому существу сделать доступными блага свободы. Поэтому они убедительнейше просят вас обратить особенное внимание на рабство, оказать милость и милосердие этим несчастным, осужденным на вечное рабство, и удалить из нашей земли отвратительное противоречие – рабство в свободном государстве". Петиция эта вызвала бурные прения в конгрессе. Почва для вопроса об освобождении рабов тогда была еще настолько мало подготовленною, что петиция была отвергнута. Тем не менее, конгресс постановил запретить гражданам Соединенных Штатов торговлю, имеющую целью снабжение иностранцев рабами, воспретить с 1808 года ввоз рабов в Соединенные Штаты и предоставить собраниям отдельных штатов принимать всякие меры, ведущие к смягчению или уничтожению рабства, какие эти собрания найдут нужными. Противоневольническому же обществу было объявлено, что конгресс не имеет права освобождать рабов.

Петиция против рабства была подписана Франклином за несколько дней до смерти. Это был акт, которым достойно заканчивалась жизнь великого человека. Франклин до последнего вздоха сохранил верность благородным стремлениям, горячее участие к судьбе обиженных и деятельную любовь к отечеству. Вместе с тем он до самой смерти сохранил ясность ума, бодрость духа, веселое душевное настроение и юношеский пыл. Уже умирая, он написал пародии на речи, раздававшиеся тогда в конгрессе в пользу рабства, – и эти пародии принадлежат к числу лучших его памфлетов. Он умирал с сознанием исполненного долга перед отечеством и человечеством, окруженный любовью ближних и пользуясь всеобщим глубоким уважением. Незадолго перед смертью он получил письмо от Вашингтона, столь же, как и он, выдающегося человека между деятелями всех времен и стран, и в этом письме рельефно выразилось господствовавшее в Америке отношение к умиравшему великому человеку: "Если уважение за желание блага всем людям, удивление к таланту, почитание за патриотизм и филантропический образ мыслей могут удовлетворить человеческую душу, – то для вас, при всех ваших телесных страданиях, должно быть приятным утешением сознание, что вы недаром жили". И нет сомнения, Франклин имел полное право полагать, что он жил недаром.

Франклин умер 17 апреля 1790 года. Известие об этом событии быстро распространилось, всюду вызывая выражения скорби. Конгресс постановил носить в течение месяца траур, чтобы почтить память гражданина, "которого гений был красой человеческой природы и различные стремления которого

послужили на пользу науке, свободе и отечеству”. Подобные же демонстрации были оказаны провинциальными собраниями, разного рода обществами, религиозными общинами и так далее. Чествование Франклина распространилось далеко за пределы его отечества. Многие ученые общества и политические собрания Европы выразили свои соболезнования конгрессу. Французское Национальное собрание, выслушав прекрасную речь Мирабо, представлявшую собой рельефную характеристику Франклина как патриота и друга человечества, наложило на себя трехдневный траур. Парижская коммуна последовала примеру Национального собрания. Вообще смерть Франклина вызвала множество манифестаций, свидетельствовавших о том, что этот замечательный человек получил вполне достойную оценку уже от своих современников, что выпадает на долю столь немногих работавших для общего блага~

Так кончилась эта многолетняя жизнь, справедливо считающаяся достойною стать в ряду жизнеописаний добродетельных мужей классической древности. Быть обязанным всем исключительно самому себе и остаться во всех положениях одним и тем же человеком, умеющим охранить свое личное достоинство и всегда думающим о благе других, – такие черты действительно приближают Франклина к великим мужам древности. Но значение последних для человечества неизмеримо ниже значения Франклина: влияние великих людей классических времен обыкновенно не шло далее пределов их небольшого отечества, часто состоявшего всего из одного города, тогда как идеи и деятельность Франклина, жившего в иное время, в иных условиях, принесли пользу всему человечеству.

Источники

1. Memories de Benjamin Franklin, ecrits par lui-meme et annotes par *Edouard Laboulaye.*

2. Correspondence de Benjamin Franklin, annotee par *Edouard Laboulaye.*

3. *Нейман.* История Соединенных Штатов. Т. I.

4. *Лабулэ.* История Соединенных Штатов. Т. I.

5. *Уэвелль.* История индуктивных наук. Т. III.

notes

Примечания

1

илот – крестьянин-раб в Спарте